

Военный корреспондент майор Азбар Аллахвердиев прошел всю афганскую кампанию до конца. Казалось бы, война окончена и больше ничто, кроме воспоминаний, не должно связывать его с этой пропахшей порохом землей. Но неожиданно Азбару вновь пришлось объявиться в Афгане — на этот раз с колесной спецмашиной, выполняющей сверхсекретное задание. Он и не мог подозревать, что в мирное время попадет в такую переделку, что даже упомянутая война покажется ему увлекательным развлечением...

Александр
РАМАЗАНОВ

ЗАЧЕМ МЫ ВЕРНУЛИСЬ, БРАТИШКА?

Алескендер Рамазанов

Зачем мы вернулись, братишка?

«ЭКСМО»

2009

Рамазанов А.

Зачем мы вернулись, братишка? / А. Рамазанов — «Эксмо»,
2009

Военный корреспондент майор Акбар Аллахвердиев прошел всю афганскую кампанию до конца. Казалось бы, война окончена, и больше ничто, кроме воспоминаний, не должно связывать его с этой пропахшей порохом землей. Но неожиданно Акбару вновь пришлось объявиться в Афгане – на этот раз с колонной спецов, выполняющих сверхсекретное задание. Он и не мог подозревать, что в мирное время попадет в такую переделку, что даже минувшая война покажется ему увлекательным развлечением...

© Рамазанов А., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

ЧУЖИЕ СНЫ	6
СТРАННАЯ ФАМИЛИЯ	8
ПОСЛАНЦЫ «МАТЕРИ...»	10
ПРАХ ВЕЧНОСТИ	12
ТРУДНАЯ ДОРОГА ДОМОЙ	14
ОСВЕЖИТЕЛЬ	17
ТРУДНАЯ ДОРОГА ДОМОЙ	20
КТО РАНО ВСТАЕТ...	24
«ТОВАРИЩ ГЕНЕРАЛ...»	26
НАЧПО, НШ И МАТЬ СОЛДАТА	28
НЕЗРЕЛЫЕ МЫСЛИ	30
ИСТИНА? В ВИНЕ...	31
ПОСЛЕ «ТАЙФУНА»	34
«ХАЙ НЭ ЛИЗУТЬ НА РИДНУ!»	38
«ОЧЕНЬ ВОВРЕМЯ МЫ РОДИЛИСЬ...»	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алескендер Рамазанов

Зачем мы вернулись, братишка?

Бездорожье лишает возможности для наступающего держать связь между отдельными отрядами, и вообще делает страну весьма пригодной для пассивного сопротивления. Гордый и свободолюбивый характер народа и огромная горная площадь вполне гармонирует с бездорожьем, делая страну очень трудной для завоевания, а особенно для удержания власти.

А.Е. Снесарев. «Афганистан»

Покончить с басмачеством в зоне ответственности к концу учебного периода.

(Из сощобязательств частей 40-й общевойсковой армии, 1982 г.)

Во всем этом мраке остается лишь светлый образ советского солдата и офицера, которые и в Афганистане, несмотря на все эти неопределенности и сложности своего положения, когда надо было иметь дело не с противником в открытом бою, а с моджахедами, которые постоянно растворяются среди местного населения, несмотря на необычные климатические, географические и психологические условия – самоотверженно выполняли свой долг.

(Сеть)

Кровавая река стекает в никуда,
Осатаневшая душа уходит в ад.
Об этом раньше ты не думал никогда,
Не думай, не положено, солдат.
Кровавая река подточит берега
И в адскую купель опустит души.
Об этом мудрецы гласят через века,
И пусть себе гласят, а ты, солдат, не слушай.
Кровавая река течет издалека —
Афган, Чечня, Абхазия, Молдова...
Хмельна ее струя, покрепче коньяка,
И, если отхлебнул, молчи, солдат, ни слова!

ЧУЖИЕ СНЫ

Стадом диких кабанов они ломились через тростниковые джунгли, боясь встретить смерть в ледяной тухлой жиже на «ничейной» земле. Орала что-то нечеловеческое, били короткими очередями на все четыре стороны. Упавших поднимали пинками. Но спасительный приговор вздыбился минометной вилкой.

– Ложись, ложись, бл...дь! Не стрелять! Бросай на хер, кому... Лежать!

– Всем бросить патроны, уж скоро граница... Акбар, дай бинт. Пакет дай, говорю.

– Зацепило, Миша? Что?

– Нет, нормально. Сдаваться надо. Посекут свои же.

Запенилось вокруг черно-синего мосластого кулака марлевое кружево.

– Акбар, если что, иди ты. Поймут, надеюсь, со второго раза. Иначе минами забьют. Похоже, участок пристрелян. А с мертвых ничего, кроме вони. Все: капитан Горшенев пошел сдаваться. Не стреляйте в белых голубей...

Отстегнув ремень с подсумком, Михаил тяжело поднялся на колени, пополз к лессовому гребню, потом, рывком выскочив на откос, замахал руками, развевая белые ленты. А за спиной, из-за реки вдвойне ударили пулеметы. Горшенева отбросило вперед, и Акбар потерял его из виду.

– По е...му Афгану – огонь!

Кто-то толково выпустил две сигнальные ракеты в направлении пулеметного огня. Над головами низко заныло, и через несколько секунд серия разрывов грянула на афганском берегу.

Горшенев лежал, уткнувшись лицом в хрупкую, седую полынь, подвернув под себя руки.

– Вы нарушили государственную... На месте... за голову, – металлический голос обрывисто проникал в сознание.

– Мишка? Джума, ты слышишь?

Сзади навалились, вывернули локти.

– Смотри, осторожней. Чтобы не с гранатой. Это у них первое дело. Да пусть он и переворачивает. Эй, «душара», по-русски понимаешь? О, кивает! Поверни дружка лицом.

Отошли неспешно, держа автоматы наготове.

– Мишка, сейчас, погоди.

Пугающая белизна лба и щек. Синие, будто сшитые губы. Красный комок бинта прижат к груди...

– Раз-два-три. Раз-раз. Есть запись. С самого начала. Дата, время.

«– Я уже говорил. В прошлую пятницу... Хорошо, хорошо. Семнадцатого февраля. Этого года, восемьдесят девятого. Шестнадцатого, вечером, я остался ночевать у бывшего сослуживца капитана Горшенева в модуле. Давно не виделись, выпили. В гостиницу поздно было и не на чем. О поездке в Афганистан мы не договаривались. А дальше? Давайте я лучше письменно, а? Привычней, все же военный журналист...

– Вы, Аллахвердиев, в настоящий момент обвиняетесь в измене Родине и, реально, по трем статьям можете получить высшую меру. И судить вас будет трибунал. Разжалуют, погончики срежут ножничками – чик!

– Все, что я мог вспомнить, – изложил... Что еще? Имен, кроме погибшего Горшенева, тоже не помню, точнее, я их и не знал. Это ведь можно проверить, так? Совсем чужие солдаты, офицеры, сборная колонна.

– Ничего, сейчас поможем вспомнить и забыть поможем, если понадобится. Мы же люди государственные». (Топот, возня, приглушенный стон, харканье. Запись обрывается.)

...Ни хрена я тебе не скажу. Не твоего ума дело...И чего тут удивительного? Был ввод – молчали. Был вывод – кричали. Еще ввод – молчи. Так она и трахает нас, мать-история. Это у нас либо фарс, либо трагедия, а ей оплодотворяться надо, как всему живому. Иначе время перестанет быть! Сучонок твой сержант, зуб-то под коронкой. Интересно, почему от собственной крови тошнит?

«– Ни хрена я тебе не скажу, паскуда. Торопишься? Хочешь, стихи почитаю, там написал. Больше скажут, чем протоколы. Вот: «От Кабула до Термеза – сутки. От призыва до протеза – год. Все здоровые солдаты любят шутки. Искалеченные, те – наоборот. Ты промолви: «Вот и кончилась война», разотри слезу по грязному виску. Ах, как блещут на бушлатах ордена. В ресторанах водка по четвертаку. Не мешайте командарму одному молча мост переходить через Аму. Он последний, все припомнится ему. Катит воды мутно-красная Аму». Как? Нра...». (Возня, удары, топот. Запись обрывается.)

Командарм шагает по пустынному мосту Дружбы, командарм там же, но уже с пучком унылых гвоздик, и сын придерживает под руку отца, а на заднем плане – бронетранспортер с развернутым знаменем.

Первый снимок гулял по редакции газеты Киевского военного округа «Ленинское знамя» 11 или 12 февраля 1989 года, за три дня до завершения вывода советских войск из Афганистана. Второй украсил центральные издания утром 17 февраля.

Ничего удивительного! Была репетиция исторического момента. Ну, выдали генеральный прогон за премьеру. Вынесли яичко к Христову дню, с кем не бывает?

Что написано пером?.. Что снято? Как бы не так! А если ничего не написано и не снято, то и вырубать-засвечивать, выходит, нечего?

Вот, в Историческом формуляре 201-й мотострелковой дивизии нет документальных свидетельств об участии в походах, боях (операциях) в 1981–1985 гг. Зато есть такая запись: «14 февраля 1980 г. 201-я Гатчинская Краснознаменная мотострелковая дивизия по приказу министра обороны СССР в составе Ограниченного контингента советских войск введена на территорию Демократической Республики Афганистан для оказания интернациональной помощи в защите завоеваний Апрельской революции 1978 года». Если в таком документе пятилетний провал...

Где свои? Где чужие сны?

Может быть, всему виной мерзкий «афганец» – дух и прах пустыни. То он плавит мозги, то вымораживает. Как в феврале восемьдесят девятого. Что было, чего не было – все едино, когда сливаются земля и небо в бурой мгле...

СТРАННАЯ ФАМИЛИЯ (Термез. 13 февраля 1989 года)

– Такая странная фамилия. Это не шутка? – смуглая, униженная кольцами рука осторожно подвинула серо-зеленую книжечку.

– Шутка? Я перед вами, ханум. На фото тоже я. Похож? Могу редакционное удостоверение показать. – В голосе сухощавого майора зазвучали веселые нотки. Это же надо! Глухая ночь. Пограничный город Термез. Обкомовская гостиница – лоно партии, можно сказать, и такой пассаж!

– Не надо вашего удостоверения, – подняла насурьмленные глаза породистая восточная красавица в расцвете лет. – Я не ханум. Аллахвердиев Акбар Акбарович. Смешно, да? Нет такой фамилии.

– Коллеги, у нас, кажется, проблемы. Вот хозяйка говорит, что я – это не я, – майор обернулся в полумрак вестибюля, где за низеньким вычурным столиком заполняли анкеты «коллеги» – плотный капитан с общевоинскими эмблемами и широкоплечий парень в меховой куртке и вельветовой кепке. Последний и выбрался из кожаного кресла, подливая масла в огонь:

– А-а, пограничная зона. Конечно, это вражеский агент. Бдительность – превыше всего. Капитан же громко хмыкнул и сверкнул из темноты очками в золотой оправе.

– Мадам, позвольте, – вельветовая кепка, казалось, просочилась вместе с очаровательной улыбкой и сочным тембром за холодное зеркальное стекло. – Уверяю вас – это он. Именно Акбар Акбарович. Посмотрите, у вас есть заявка из Ташкента, ЦК ЛКСМУ. Там все указано в точности.

– Ладно, ладно. Но все равно: не бывает такой фамилии. Второй этаж. Простите, в номере холодно. Отопительные приборы запрещены. Но там есть вторые одеяла.

Подхватили невеликий багаж – по дорожной сумке и картонной коробке у каждого. Майор отстал, на секунду задержался у стойки, что-то негромко сказал на мелодичном языке, отчего луноликая администраторша звонко рассмеялась, изящно повела рукой, как бы отмахиваясь. Ой, было в этом смехе такое, что не требовало перевода, но, тем не менее, у дверей люкса капитан поинтересовался:

– Акбар, на каком языке хозяйку развеселил и чем?

– На благородном фарси, Гриша. Она – таджичка. А сказал, что если замерзнем, то греться к ней придем вдвоем.

– Никак собрался?

– Нет. Таджички доверчивы и привязчивы. Страдать потом будет.

В номере было не просто холодно: от стены к стене гулял ледяной ветерок. Расположились, попытались полотенцами и старыми газетами законопатить огромное окно, потом бросили эту затею, поскольку был более приемлемый вариант. На свет явилась литровая бутылка, копченое сало, яйца, кольцо домашней колбасы и буханка черного хлеба, посыпанного тмином. Головку чеснока, подбросив на ладони, капитан с видимым сожалением отложил:

– Общаться завтра. Будем благоухать. Не поймут.

– Здесь это не грех, – заметил майор. – Да и колбаса с чесноком. Если пахнет чесноком, значит, мясо ел – богатый человек!

– А сало? Почему мусульмане и евреи сало не едят?

– Гриша, если бы они сало ели поголовно, то что бы нам осталось? – майор поднял в правой руке стакан с янтарной влагой, а левой приблизил ко рту кусок колбасы, облитой смальцем. – Ну, с прибытием нас!

Офицеры выпили, словно выстрелили – залпом, а Павел, отхлебнув слегка, отставил посуду.

– Я, братцы, лягу. Не в жилу, устал.

Лег, не раздеваясь, укрывшись добротной меховой курткой.

Майор и капитан выпили по второй, не сговариваясь, встали молча на поминальный «третий тост» и завершили ужин четвертым стаканом: «Чтобы третий подольше за нас не пили». Потом поверх одеял расстелили шинели, на головы натянули шапки с опущенными ушами и легли, установив стрелки одинаковых аккуратных будильников: майор на шесть часов, капитан – на семь.

Ну и пусть спят, под тиканье квадратных аккуратных часиков. Самое время объяснить: кто, откуда и зачем? И про будильники тоже.

ПОСЛАНЦЫ «МАТЕРИ...»

В середине февраля 1989 года завершался вывод советских войск из Афганистана. Последние части 40-й общевойсковой армии пересекали границу под Термезом и Кушкой. И назначенный на 15 февраля торжественный акт расплаты по интернациональному долгу привлёк внимание, как тогда было принято говорить, «прогрессивной общественности».

Не сбросишь со счетов полмиллиона молодых людей, хлебнувших прелестей борьбы с мусульманскими партизанами, вшами и гепатитом. Они смотрят телевизор, читают, как Родина оценивает их подвиг, поднимают бокалы и боевой дух. Разумеется, партийные чины присутствуют на месте действия: где люди, там и партия. Не ровен час, чего удумают в толпе. Неравнодушны и военные генералы – куда девать в трясущейся от перестройки стране боевую армию? Прищурились политики, западные, конечно, точно ли выведут Советы оккупационный корпус или придумают еще что-то необычное ввода войск в 1979 году? Заполошились журналисты – эти уж совсем понятно, почему.

Не остался в стороне и комсомол. Напомним, так ласково и сокращенно именовали резерв партии – Коммунистический Ленинский Союз молодежи. Психологическое воздействие на воинов-интернационалистов (отслуживших, действующих и будущих) возлагалось во многом на него. Залитые кровью комсомольские билеты стали гордостью музеев, а уж если пулей пробит – святыня. Правда, на надгробиях запрещалось в ту пору писать, что погиб комсомолец в Афганистане. Так решили еще в самом начале, в далеком 1981 году. И точка зрения Политбюро ЦК КПСС была единой: «не совсем правильно» (Суслов), «рановато» (Андропов), «нецелесообразно» (Кириленко). А кто же тогда, спрашивается, вопрос о памятниках поднимал? Конечно, добрейший Тихонов. В процессе заседания он, осознав преждевременность своей записки, произнес бессмертную фразу: «Вообще, конечно, хоронить нужно, другое дело, следует ли делать надписи».

И стали в феврале 1989-го Богом забытые Термез и Кушка – Меккой и Мединой интернационализма. Особенно Термез, поскольку именно здесь намечался торжественный финал: шествие по мосту Дружбы от афганского берега к советскому командующего 40-й армией генерал-лейтенанта, Героя Советского Союза Бориса Громова. «Снимет обувь, землю поцелует и пойдет босиком». И ведь пока не прошел, как нормальный человек, можно было и поверить. Сам первый Президент, Михаил Горбачев, и не в таких спектаклях участие принимал, да еще со словами мудреными. А так Термез был известен народу как «полюс жары» в великой стране (у нее все свое было, и не только «полюса»). И еще здесь привыкали к светлому будущему слоны и прочие экзотические животные, в акклиматизационном зоопарке. Именно слоны страшно беспокоились в эти дни февраля. Ну да, «афганец», и эти странные события. Ломая перегородки, они вытягивали хоботы в сторону Индии и непрестанно трубили...

Месяца за два до окончания вывода, а «процесс пошел» с мая 1988 года, стало известно, что командующий 40-й армией генерал-лейтенант Борис Громов возглавит Киевский военный округ, после того как «последний советский солдат покинет афганскую землю».

Не то чтобы Громова не любили на украинской земле, но в политический расклад он явно не вписывался: больно популярен. А впереди – выборы в Верховный Совет СССР. И Громов – кандидат, как и положено, ибо все командующие округами по традиции – члены Верховного Совета СССР. И еще штабным было ясно: в их тихую заводь Громов свою команду приведет – молодую, злую и голодную. Хоть Киев и «мать», да Москве наплевать. Разумеется, по тем временам.

Итак, посланцы. Павел Рожко – функционер ЦК ЛКСМ Украины. На деньги этого ЦК организована поездка (авиабилеты, суточные, гостиница, подарки воинам-интернационалистам – вон они, будильники в коробках, заводные, на шестнадцати камнях). Нормальный

мужик – в самые горячие дни в Чернобыле отработал и не только речами. На вид крепок, а есть нехорошая желтизна в лице, устает быстро. Григорий Клубный – капитан, начальник отдела комсомольской жизни окружной газеты, молодой человек вида гусарского. И тоже чернобыльский стаж за плечами. А куда денешься? Пошли войска – пошли и военные газетчики. Третий – майор Акбар Акбарович Аллахвердиев. На данный момент – подчиненный капитана Клубного. И тут есть вопросы.

Во-первых, Аллахвердиеву – около сорока. В партии с восемнадцати лет. Какой тут комсомол?

Во-вторых, по данным личного дела, он пять лет отслужил в Афганистане, имеет три ордена и при этом трижды уходил с полковничьих должностей на майорские, а тут и вовсе согласился на капитанскую, хотя по срокам – подполковник «на выданье». О возрасте речи нет, из запаса призывался лейтенантом, в двадцать семь лет от роду. Карьерист, однако!

В-третьих... Да хоть до ста считай странности лысого «комсомольца», который к тому же не отказался бегать по этажам в качестве выпускающего. А этот случай, когда Аллахвердиев сцепился с десантником, двухметровым детиной, хваставшим на попойке, что ударом кулака убил пленного «духа». Или как третий орден ему вручали, Красной Звезды. Вызвали в штаб округа: «Распишитесь». Редактор на собрании предложил рассказать: за что такая высокая награда? И что же в ответ услышал? «Не знаю. Наградной лист командующий подписывал. Наверное, за информацию своевременную». И все. Хотя орден-то вечером обмыл не скупясь. Кстати, не бывать Акбару в посланцах, если бы в тот самый момент, когда решалось, кому представлять округ на выводе войск, он не предъявил редактору восьмушку плотного глянцевого картона, на которой красным и черным по белому значилось:

«Удостоверение. Тов. Аллахвердиев Акбар Акбарович зарегистрирован доверенным лицом кандидата в народные депутаты СССР тов. Громова Б.В.». Далее шли подписи серьезных людей, скрепленные большой черной печатью, и дата 31 января 1989 года. И молчал ведь!

По причине убытия делегации в далекие края в отделе информации прошло традиционное мероприятие, на котором майор Мироник, военный Бахус во плоти, борясь с непослушным языком, сказал «золотое» слово: «Вы – пос-ла-цы... Пос-ла-ны-цы... Матери. Понятно, да? Сейчас... Посланцы матери городов! Батькивщины русской!» Акбар с уважением относился к Миронику. Пьян, да умен! Водил дружбу с самим Мелитоном Кантария, и даже что-то о нем написал.

ПРАХ ВЕЧНОСТИ (ОКПП «Термез». 14 февраля 1989 года)

– Чертова пыль. Едкая, в горло лезет.
– Дыши. Прах вечности в твоей гортани.
– Это образно? Прах?
– Натурально... Может быть, от Македонского молекулу вдохнул сейчас или от Чингис-хана. Так что не отплевывайся, Заратустра не велел, особенно у воды. Он тоже неподалеку родился, в Балхе, кажется.

– Ага! Прах вечен – точно, как битая посуда.

Клубный и Аллахвердиев вяло переговаривались, пытаясь укрыться от пронизывающего ветра. Они стояли у пограничного знака при въезде на мост, оттиснутые толпой гражданских журналистов к стальной опоре. Внизу, метрах в десяти, бурлила мутная Амударья.

– Джейхун... Она же Оксу... Она же Аму и Пяндж.

– Как? Джейхун? Оксу, Пяндж – слышал...

– Бесноватая – Джейхун. Сменит русло, и конец городам и кишлакам. Песком заносит.

Внезапно среди журналистов наметилось оживление. Образовался коридор, ошетинившийся объективами и микрофонами. Сквозь красноватую муть пробились слепящие точки фар. Клубный защелкал диктофоном, продрался вперед, не обращая внимания на ропот «телепузиков», увертываясь от тяжелых кассетников. Был у операторов такой прием: резко развернув камеру, въехать конкуренту в «жбан» и с наслаждением извиниться.

Аллахвердиев, напротив, блокнот – и тот спрятал поглубже. Теперь время смотреть. Смотреть, видеть и чувствовать. Глаз надежней объектива и память – впитает больше, чем бумага. Странно, но гомон толпы и визгливые сигналы с того берега вызвали в нем нарастающую тревогу.

Мягко урча, выплывали из полумглы бронетранспортеры. Полоскались на ветру флаги, вздувались по бортам кумачовые транспаранты. Прищурившись, гордо смотрели вперед офицеры и солдаты, сидящие на броне. Ордена, медали, значки поблескивали на ватных куртках. Правильно, иначе застудили бы ребят... Что-то колыхнулось в памяти... Да, в русской армии давно позволялось – медали на шинелях. Грушницкий, Ледовый поход... Интересно, чекисты тоже носили на кожанках... Банты, ленточки...

– Это полк выходит? Господин майор, это дивизион?

Аллахвердиев неохотно вернулся в реальность. Рядом стоял явно иностранный репортер в потертой красной курточке. И явно «профи» – ни диктофона, ни видеокамеры. Блокнот и простой карандаш – все его «оружие». Правильно – графит не мерзнет!

– Нет. Это подразделение связи, батальон. Не весь, часть.

– Вы думаете, все войска выйдут из Афганистана? Завтра?

Черт, как он шпарит по-русски. Почему они не верят, что вывод войск окончателен? Есть сомнения? Ведь недаром спрашивают. Он машинально принял визитку. Француз. Ну да, эти хорошо помогали моджахедам. Негромко, но крепко. Госпитали, волонтеры, гуманитарка. «Семерку» на Елисейских Полях принимали. Опять же, арабы не только в Неджабе живут.

– Ответственно заявляю. Им там нечего делать. Апрельская революция победила. Сошлитесь на меня. Вот только визитки не имею, простите. Майор Аллахвердиев.

Репортер усердно строчил, не поднимая глаз, но, услышав фамилию, вскинулся и так остро, хитро глянул...

Аллахвердиев решил перевести стрелки, поскольку следующий вопрос мог породить некорректный или, что хуже, лживый ответ. А напрягаться не хотелось. Вроде не перебрали вчера, а состояние какое-то...

– Смотрите, вот, у них на глазах слезы, и они улыбаются, радуются. Эти надписи на бортах – они вам понятны?

– О, да-да, спасибо, – ответил француз с такой определенностью, что Акбар сразу уловил: не нужны ему эти лозунги в своем «монде».

На свежем кумаче, похоже, зубной пастой, писали: «Боевые товарищи, павшие в боях, навсегда с нами», «Встречай, Отчизна, сыновей!», «На Родину с чувством выполненного долга», «Наказ Родины выполнили». Господи, не нужно объяснений – дай лозунг, и все станет ясно!

Аллахвердиев вдруг понял, что еще минута на этом месте, и он впадет в неприличную истерику. Опасно: сзади мутные волны, впереди броня с полуслепыми водителями, а «жить так хочется, ребята»! Он прикоснулся двумя пальцами к козырьку и, спрыгнув с парашюта, зашагал к стеле, украшенной гербами союзных республик. Здесь герои сходили с брони на родную землю. Духовой оркестр в танцевальном ритме выдувал гимн Советского Союза, а затем непринужденно сбился на «семь сорок» – легендарный еврейский танец времен и народов...

Публикуемый ниже пространный фрагмент, возможно, вызовет у читателя некоторые сомнения. Но. Так виделось, так чувствовалось и додумывалось. Так ложилось на бумагу. Так силен был «внутренний цензор», поскольку внешнему, штабному, было наплевать. Уже было почти все дозволено. Даже расхаживать среди бела дня у Верховного Совета Украины с надписью на прыщавом лбу – «раб КПСС».

И никаких анонимов! Авторы: военные журналисты А.Рамазанов и А. Клубань. Полностью очерк напечатан в газете Киевского военного округа «Ленинское знамя» 5 марта 1989 года. Отметим, через восемнадцать дней после вывода войск из Афганистана. Почему-то...

ТРУДНАЯ ДОРОГА ДОМОЙ **(Из газеты «Ленинское знамя», № 52,** **5 марта 1989 г., авторы: А. Рамазанов, А. Клубань)**

«...сынишка взлетел на броню, подхваченный крепкими руками счастливого отца. В стороне, на обочине, пожилая женщина в простеньком, не по сезону пальтишке, из далекого украинского села, захлебывалась от рыданий, только сейчас узнав, что навсегда потеряла своего единственного сына.

...много уже сейчас разговоров вокруг Афганистана: слухов, кривотолков, негодований и возмущений. Однако, как бы ни складывалась наша жизнь, как бы ни менялись «официальные» точки зрения, никто не вправе подвергать сомнению мужество солдат, офицеров, живых и мертвых, честно выполнявших свой долг.

...без единого выстрела, с развернутыми боевыми знаменами армия шла навстречу пестрой, разноликой толпе, разукрашенной цветами, улыбками.

...за пограничным знаком... над тысячной толпой разворачивались... призывы на серой оберточной бумаге, кусках картона: «Запорожье. Олег и Саша!», «Владимир, Донецкая область, в/ч... п/п», «Худайбердыевы. Кундуз», «Сережа, сынок, я тут. Баграм». И была вся география страны. И была надежда в лицах...

Узбек двухметрового роста на наших глазах взял у худенькой девушки из Запорожья, она встречала младшего брата, плакат и поднял его выше других. С проходящих боевых машин что-то закричали, замахали, показывая: здесь он, здесь!

Рядового Виктора Мельника никто не встречал. И мы не стали донимать его вопросами. Солдат говорил сам: «Шесть раз я пересекал Саланг. Два дня назад – в последний раз. Да, плакал, завидев границу. И сейчас волнуясь – состояние какое-то непонятное, приподнятое, что ли... Вдоль дороги на той стороне попадались «духи» с гранатометами на изготовку. Уже не таились. Нет, они не стреляли, как прежде, а кричали: «Уходите, шурави! А мы разберемся с Кабулом сами!» На серпантине накатанный снег, лавины... Но мы пробивались. Знали, куда идем. Я – водитель. Служил в Кабуле, хорошо знаю его районы. Ничего не скажу о других, но наш полк защищал город. Сам ездил в патруль, почти каждую неделю возил продукты по окраинам для афганцев. Горячее, мука, сахар – все это давали им бесплатно. Пусть что угодно говорят про Афган, но я там два года юности оставил, друзей своих там оставил... Вот это не забуду». Конечно, Витя не Гамлет, но его монолог впечатляет не меньше.

Позже мы побывали в полевом лагере, где остановилось подразделение, в котором служит рядовой Мельник. Солдатский телеграф сработал безотказно. Буквально через несколько минут нас обступили ребята с Украины, засыпав вопросами о том, что нового в Киеве, как там Винница, были ли мы в Ивано-Франковске, Коростене, Славуте... О многом мы переговорили с земляками, но ребята ни слова не сказали о том, что вместе с выходом из Афганистана с их плеч не упали тяготы и лишения пустынно-полевой жизни. На окраине города, на мертвой земле, в цементно-едкой пыли, они молча, как и прежде, разбивали палатки, зачем-то, хоть и миновала опасность обстрела, затягивали маскировочными сетями технику. Война врезалась в их образ жизни. Зарастет ли след?

Им нелегко задавать вопросы. Непросто потому, что можно нарваться на нестандартный в обычной мирной жизни ответ, неожиданный поворот.

– У вас есть девушки, невесты, подруги, которые ждали вас все эти долгие месяцы?

– Була... Пишла до другого, – тихо и горько прозвучал ответ винничанина Мартынчука. – Воны тилькы ждуть, калы проводжають, чи зустрічають...

Вроде бы старо как мир: не дождалась подруга солдата, разлюбила. Но ведь это не просто солдат – он вернулся с войны. И не дожидаться такого – значит предать. Когда теперь он сможет поверить в девичью верность? Быть может, когда увидит то, что видели мы. Когда молоденькая, черноглазая Фаина, сбивая с ног прохожих, со слезами на глазах летела к своему мужу лейтенанту, только что вернувшемуся «из-за речки». И не было у них в эту счастливую ночь иной крыши над головой, как бронетранспортер с отметинами пуль на холодной броне. На нем и увез лейтенант красавицу-жену. А всем, кто был рядом, оставили они светлый луч веры в то, что есть на свете большая любовь.

...из распахнутых настежь ворот ОКПП «Термез» выливалась стальная река. По-прежнему летели на броню букеты гвоздик, военный оркестр играл бравурные марши, а затем как-то непроизвольно сбился на «семь сорок».

У гигантской стелы, несущей на себе выполненные в бетоне гербы и флаги братских союзных республик, расположились бойкие местные кооператоры. Они лучше других знают, что в такую минуту цветы самый ходовой товар, а простояв на стылом ветру несколько часов подряд, очень хочется есть, тем более что вокруг на десятки километров не было ни одной общепитовской или военторговской точки.

Три гвоздики стоили 4 рубля. А порция сомнительного шашлыка 5 рублей. Проезд от города до ОКПП «Термез» в такси или «на частнике» 15 рублей. В очереди за «жеванным» шашлыком из лука и жилистой баранины стояли солдаты – воины-интернационалисты, те самые, которые вчера еще или несколько часов назад питались «сухпаем». Их манил дразнящий дымок мангала. Наших суточных командировочных не хватило бы на это «удовольствие». Выходит, последнее отдавал солдат кооператору.

В этой очереди мы и познакомились с Виталием Поздняковым, рядовым.

– Тот же Афган, – хмуро сказал он, кивая на дюжего шашлычника, ловко ворочающего шампуры над тлеющими углями. – Только и разница, что там «афшки» драли...

Будем справедливы, военторговские точки в этот день все же удалось лицезреть в нескольких километрах от моста, в полевом лагере мотострелков. Водители двух обшарпанных автофургонов успешно торговали сигаретами «Астра» и «Опал», твердокаменным печеньем «Привет» и виноградным соком по 60 копеек за двухсотграммовую баночку, с наклейки которой безмятежно улыбался почерневшим от усталости солдатам розовощекий младенец.

Как могло случиться, что люди, которых именуют героями, о достойной встрече которых так много говорилось и писалось, вернулись на родную землю в... холодные щитосборные домики без тепла и большей частью без воды, а то и вовсе в палатки? Там, в Афганистане, они оставили обжитые в бытовом отношении места...

...обстановка накалялась в связи с тем, что представитель Главного политического управления объявил: для встречи с командармом Грозовым на мост будет допущено ограниченное количество представителей прессы. Журналисты вообще-то мирные ребята, но не в такой ситуации. Можно было понять коллег: прилететь за тысячи километров, просидеть 3–4 дня в нетопленных номерах гостиниц, а исторический момент не увидеть. Грозова, идущего по мосту Дружбы, не задать ему хотя бы один вопрос...

Рождались и тут же опровергались слухи один сногшибательнее другого о том, что командарм снимет обувь и ступит на родную землю босиком, что на ходу будет произносить ту самую «таинственную» речь, о которой так впечатляюще писала накануне «Комсомольская правда»...

...лихорадочно звонили по всем каналам два товарища, представляющие «Юность» и «Новый мир», по крайней мере, так они отрекомендовались. Бурно возмущались тем, что им не давали возможности посетить гарнизонную гауптвахту и поговорить с несколькими «афганцами», находящимися в камере для временно задержанных.

– Вы поймите, выходят войска, нервы у людей напряжены. Всякое бывает, – устало увещевал их подполковник И. Азаренок. – Ну, выпили люди, сорвались где-то...

– Мы хотим выяснить, понять, почему они вступили в драку на вокзале. У нас есть сведения, что с ними обошлись жестоко.

– Звоните начальнику гарнизона. Кроме него, никто не решит вашу проблему. Хотя напрасно вы это...

Да, на железнодорожном вокзале станции Термез в зале ожидания в этот вечер среди уволенных в запас военнослужащих неожиданно вспыхнула драка. Причины? Вот объяснения солдата, участника конфликта: «Десантура увидела на пехоте тельняшки. Конечно, под градусом были. И, естественно, возмутились: нечего наши «рябчики» напяливать. Тут и завертелось».

Высказал свое мнение и офицер. Ему пришлось в составе усиленного наряда патруля гасить пожар страстей: «С солдатами не оказалось ни одного офицера из их частей. Ребят привезли на вокзал за четыре часа до отправления поезда, предоставив самим себе... барыги этим воспользовались, зная, что у ребят есть карманные деньги. Начали из-под полы торговать спиртным».

В дни вывода войск из Афганистана местные советские и партийные органы строго запретили продажу спиртных напитков в магазинах города. Но винно-водочная мафия оказалась сильнее и хитрее: торговля успешно шла с рук. Бутылка водки в вечернее время стоила 25 рублей, и достать ее труда не составляло.

Ресторан гостиницы «Сурхан», когда мы возвращались в номер, напоминал осажденную крепость. Плотная толпа у входа, до взвода милиции и несколько военных патрулей вокруг. Офицеры и прапорщики в большинстве своем просто хотели поужинать – другие точки питания уже не функционировали. Но сделать это было непросто. А на террасе едва стоящий на ногах прапорщик рвал на груди тельняшку и кричал что-то невразумительное... Рядом с ним мелькали какие-то тени, фигуры, оглушительно бряцал оркестр.

В самой гостинице было тихо. По коридорам, холлам неприкаянно бродили простенько одетые женщины – матери солдат и офицеров, которые должны были завтра пересечь афгано-советскую границу, вернуться с войны. С некоторыми из них мы уже успели познакомиться, узнав о мытарствах, с какими они добирались сюда, переплачивая спекулянтам за билет от Ташкента до Термеза вдвое, а то и втрое.

– Выходит, сами давали взятку? – спросили мы у Гордейчук Татьяны, приехавшей из Запорожской области, и тут же пожалели об этом.

– Я не могла не встретить братика.

И была в ее ответе, в ее взгляде такая сила, что ничтожной показалась нам наша принципиальность, нам, получившим билеты по брони коменданта ВОСО. Война кончилась, а когда все же утихнут баталии, исчезнут коварство и обман у амбразур билетных касс?»

ОСВЕЖИТЕЛЬ

Павел и Григорий, наскоро перекусив, засобирались в гарнизонный госпиталь. Для обоих было дело: Павлу – вручить грамоты ЦК ЛКСМ Украины и подарки раненым, Клубному – «набрать фактуру» для газеты. Акбар от посещения госпиталя отказался, сославшись на озноб и тошноту. И ведь не врал: тряхнуло там, на мосту, и не отпустило.

– Хочешь, врача привезем? Давление измерит, ну, таблеток каких? – уходя, посочувствовал Павел.

– Да не знаю я, что такое давление! Просто крутит всего. Отлежусь, пройдет.

Давление, а? А если такое ощущение, что события дня – большой спектакль? Давление? Высокое или низкое? Почему кажется, что все трогательные встречи-речи отрепетированы? Хоть бы одна мать прокляла по-человечески эту трагикомедию. Или сюда прибыли другие матери и сестры? Этот безумный оркестр, наконец. Лагерь – потемкинская деревня. Так и врага не встречают. Или все съели и сожгли на репетициях? Нет, так окончательно крыша съедет... Хорошо, что ключ ребята взяли с собой. Сейчас на защелку и лечиться будем.

Для начала полстакана перцовки. Ну, будем! Хорошо... Теперь «купец». Полстакана чая, полстакана кипятка, кусочек сахара...

«Один мулла, три рубля денег, головка сахара и делу конец!» – негромко, нараспев произнес Аллахвердиев, запуская пальцы под вспоротую подкладку фуражки. Тонкая бурая пластинка, обернутая в полиэтилен, появилась на свет и растаяла в горячем черном настое. Обмакнул палец в убийственное снадобье, облизал, прислушиваясь к вкусовой гамме. И будто желчь всего дня, и не только этого, обволокла гортань, упала в желудок. Он несколько раз глубоко вдохнул через нос. Сейчас... вот... Отлично. Теперь стакан жиденького чая на сон грядущий, потом почистить зубы, и завтра все будет «по барабану». Оно и сейчас уже ничего. Аллахвердиев крепко похлопал себя по затылку. «Эй, небесный барабан! Встань пораньше, встань пораньше, встань пораньше!» Так, «нефеля» и сеточку от пластинки в пакет, завтра на улице выброшу – мусор, он болтлив, собака. Два клочка ваты... Черт бы побрал, как оно обостряет слух, но это должно пройти. Потом будет хорал! Земные звуки истают в небесных.

Аллахвердиев поплелся в туалетную комнату и уже выдавил колбаску «Поморина» на зубную щетку, как вдруг явственно услышал:

– Я тебе эти варианты сейчас перечислю. Это в Москве они в особой папке. А за речкой их только свиньи не знают...

– Да нет же свиней в Афгане, Саня. Разве что в зоопарке, в Кабуле, была одна.

– Есть, товарищ полковник! Еще и расплодились нашими усилиями.

– Ну и какие предложения? Оставить, не оставить? Что еще?

– Ага, наполовину сунуть или наполовину вынуть. Это тебе не философия. Давай, по первой. За первый вариант.

– Не-а, давай за встречу. Слава Богу, все кончилось, живы-здоровы...

Голоса умолкли, послышалось бульканье и легкий звон стекла. Аллахвердиев тупо смотрел в мутное зеркало, словно пытался найти ответ происходящему в собственных расширенных зрачках. Вот это «пластинка»! Такого еще не было. На «бубуку» чужие тайны! Свои бы забыть... Он уже хотел открыть кран, как первый голос зазвучал еще отчетливей.

– Значит, так: растянуть пару дивизий отсюда до Кабула. Нормально, да? Это первый вариант. Основание: херовая жизнь афганских граждан. Хороша формулировка? Второй – под видом сопровождения грузов вводить мобильные части. Короче, как в том анекдоте про мирный советский трактор на китайской границе. Третий, совсем интересный – оставить отдельные гарнизоны для передачи военных объектов.

– Автора, Саня, автора!

– Наливай, становись по стойке «смирно»... Крючков, Яковлев, Язов, Мураховский, Чебриков и, конечно, Эдуард Амвросиевич!

– О, какая компания. Слов нет! Ну, будем! И все это предлагалось Наджибулле?

– Обсуждалось... Афганцы поняли сразу, что это за дерьмо. Наджиб отказался. Понимает, что если вывод подчистую, то годик-другой еще посидит в Кабуле. То есть все или ничего. Да грузин себя странно повел, нервничал.

– Наджибу, как ни крути, – конец. Ну, давай, третий... Земля пухом.

Аллахвердиев открыл кран, нарочито громко кашлянул. Если за стенкой услышат, значит, все нормально. Закроют дверь в ванную комнату, говорить будут потише.

– Ладно, теперь ты излагай – каким макарон здесь? Вроде бы все эксперименты свернуты?

– Нет, дорогой. Просто полигон закрыт. Да и невелика потеря. Время такое идет, что наши капельки в Союзе скоро понадобятся. Сам видишь, куда перестройка да ускорение загнали!

– Не пой, сынок, военных песен! Думаешь, потряхнет «нерушимый республик свободных»?

– Уже трясет. Мы же как классика знаем, что делается в Гондурасе, а у себя под носом – сопли до земли.

– Ага, только он про Африку, кажется, говорил.

– Какая, хер, разница. Это на все времена сказано. И для всех разведок.

Аллахвердиева внезапно разобрал смех. Он выплюнул пузыристую мятно-соленую кашкицу и замотал головой. Кафка, суший Кафка! Два «спеца» пьют коньяк, наверное, в партийной гостинице, рядом с Афганом, несут такое, за что отрывают головы, и цитируют шефа ЦРУ. Все, хватит этой ахинеи. Он прополоскал щетку и уже сделал шаг в номер, как голос зазвучал еще отчетливей:

– ...нет, аэрозоль. Причем концентрация почти не имеет значения. Механизм включается в голову. Пока малопонятный. Но факт налицо: тридцать–сорок часов можно водить, как баранов. Точнее, сами идут, главное, до того подбросить идею, «якорек».

– Слышал про такое... Нейролингвистическое программирование?

– Да, но само по себе оно безобидно. Больше мистики, чем дела. А вот наш катализатор – ураган. Мощный психотроп избирательного действия. Знаешь, как они его обозвали? «Торнадо». Это точно – крышу сносит! А потом – легкая амнезия и никаких угрызений совести, главное. Нет похмелья, раскаяния, понимаешь. А значит, можно и второй раз погнать на грабли. То есть манипулировать.

– И что? Вот я сейчас не прочь в Кундуз вернуться, есть там... дело чести, только сам знаешь, не пройти. Значит, если вдохну этой гадости, то рвану напролом?

– Рванешь, дружище.

– Так, дай сообразить! Для «зеленых» был аэрозоль? На них проверяли?

– Да проверь сейчас, на ком! Работали совсем другие люди, не наши. Ну, была идея взбодрить афганцев на подвиги во время вывода войск. Вторая пехотная, возможно. Они там отличились. Так вместо этого – «духи» осатанели. Потом сам знаешь...

– «Тайфун»? Вряд ли. Но если так, то сработало с точностью до наоборот.

– Где-то прокололись. Или кто-то еще работает параллельно, так сказать. Не знаю, моя задача была изъять баллончики и вывезти сюда. Что и сделал.

– Я вот думаю, сколько ваши ребята чарса задули, прежде чем такое выдумать? Ну, понимаю, эта история с делагилом, «голубой кровью», «американским гепатитом», потом, что еще там подсовывали из антибиотиков?

– Это не из нашей лаборатории пошло. А насчет чарса ты зря. Ты вот мне найди солдата, который не курнул здесь разок и кайфа не принял всей своей славянской душой. И осознал, главное. Нормально? Полмиллиона «ассасинов»? И хрен с ними, с кавказцами да азиатами

прочими. Они к этому делу привычны с детства. А вот на Руси великой знаешь, сколько потом на тропу войны выйдет? Это тебе не наш освежитель.

– Освежитель?

– Ну, для отвода глаз его в баллончики с «Хвойным» закатывают. Да можно хоть с чем мешать. Там цепь устойчивая.

– Дашь? Не торопись отказывать...

– Что? Ну... Зачем? Не спеши... Вот, сейчас... Нравится? Таких, может быть, десяток, от силы. И патрон особый – ни звука, ни пули через полчаса. А? Дырка есть, а пули нет. А вот это превращает всю систему в маленькую бомбочку. Иногда нужно избавиться сразу. Дарю, черт с тобой. Все равно на стадии эксперимента. Никто их не учитывал толком. Махнем не глядя! Наливай, что ли...

– ...сторана? Там у всех одно желание – посидеть, выпить, но не дают героям расслабиться. Если там? Как, подействует?

– Не стоит... может кончиться. Патрули...илиция... у наших.....рез одного...вол...ли грана...

Голоса слабли, превращаясь в бормотание. Акбар усмехнулся: у него в голове и прочих членах начиналась другая музыка. И чтобы концерт удался, надо лечь. И обязательно, чтобы был белый потолок, без трещин, чистый. Он быстрее всего раскрывает небо. Даже чистое небо так приветливо не пускает. В комнате с белым потолком... С правом на надежду... В комнате с белым... Интересно, где он применит этот туалетный спрей – хвойный «Торнадо»? Однако что-то нарушилось в известном порядке «исцеления». Вместо «иже херувимы» диковато захотала зурна, потом под веками всплыл мост Дружбы...

ТРУДНАЯ ДОРОГА ДОМОЙ (продолжение)

(Из газеты «Ленинское знамя», № 52, 5 марта 1989 г
авторы: А. Рамазанов, А. Клубань)

«...природа, словно осознавая неординарность события, подарила тихое, солнечное утро. К 11 часам по местному времени у ворот ОКПП «Термез» и на близлежащих холмах уже бурлило людское море. И вновь цветы, и вновь плакаты с именами тех, кого ждали в этот день «из-за речки». Люди пришли сюда не по приказу, не по объявлению, а по велению сердец. Пусть громко сказано, но это действительно так. За несколько дней до 15 февраля с прилавков местных магазинов вдруг исчезли сразу все бинокли и подзорные трубы, которые лежали до этого годами.

Родственников возвращающихся солдат среди общей массы едва ли набиралась сотая часть. Но мало кого не оделил Афганистан горем и болью за девять с лишним лет. Отсюда и многолюдье, отсюда и искреннее стремление увидеть, как последние солдаты вернутся домой.

На обочине стояли празднично одетые девушки с гвоздиками. Нас привлекла их украинская речь.

– Вы встречаете кого-то? Брата, мужа, жениха?

– Нет. Мы встречаем наших ребят. И еще очень хотим генерала Громова увидеть.

– Судя по всему, вы с Украины?

– С Днепропетровщины.

– У вас есть знакомые, друзья, родственники, служившие в Афганистане?

– Да, и немало.

– Скажите, эти ребята чем-то отличаются от своих ровесников?

– Они совсем по-иному смотрят на жизнь. Серьезнее, что ли...

– Порой «афганцев» пытаются обвинить в цинизме, грубости, жестокости. Говорят, что среди них много наркоманов, людей с легко ранимой психикой?

– Нет, неправда. Категорически нет. Это честные, добрые, отзывчивые ребята, которые знают истинную цену любви, нежности, верности.

– Они рассказывали вам об Афганистане?

– Да, воспоминания тяжелые. Страшно было там...

– А как относились у вас в институте, в городе к воинам-интернационалистам? (Девушки после окончания вузов были направлены по распределению в Термез. – *Прим. авт.*)

– По-разному. Но в большинстве с уважением. Ребята вернулись с войны...

Из-за холма, заложив крутой вираж, к афганскому берегу пронеслась пара «Ми-восьмых». Это вертолеты прикрытия... Пора к мосту!

Но как можно было пройти мимо открытого борта грузовика, возле которого старший лейтенант Александр Харин разложил стопки грампластинок с «афганскими» песнями.

– Буду вручать воинам-интернационалистам. Жаль, не довелось послужить самому в Афганистане. Проторчал в резерве. А потом сюда, в Термез.

Разговорились, нашли общих знакомых. Имя военного журналиста Вадима Дулепова, служившего когда-то в Баграме, явилось паролем откровенной беседы.

– В нашей части служат те, кто вернулся «из-за речки». Если честно, то видна разница между теми, кто был в тыловых подразделениях и боевых. У тех, которые и на операции-то не выходили, сразу стали возникать инциденты, создалась нездоровая атмосфера. Были и такие: чуть что – на себе «тельник» сразу рвать, мол, я воевал, а вы тут отсиживались. Но вот когда

пришли другие, вдоволь хлебнувшие войны... Они не рвали тельняшки на груди, не требовали особого отношения к себе, хотя вполне того заслужили, не выпячивали своего героизма, а по-взрослому, с серьезностью, без мальчишества смотрят на жизнь. Вот только многие еще не могут выйти из напряжения, стрессового состояния. Часто вскакивают по ночам при малейшем шорохе – все еще на войне они.

– А как относятся к ним офицеры, которые там не были?

– Сужу по себе. Лично я в чем-то им завидую. Они прошли войну, получив такую закалку, которая профессиональному военному в мирной обстановке и не снилась.

Как и предупреждали нас в пресс-центре, на мост пропускали не всех. Нас, во всяком случае, тоже попытались остановить. И на какое-то мгновение мы ощутили чувство подавленности перед сверкающими никелем штативами потрясающей видеотехникой, фирменными шапочками зарубежных и московских коллег... Как и всегда, на особом положении оказались иностранцы – их пропустили через КПП первыми. Они и заняли лучшие места для съемки. На помощь руководителей пресс-центра рассчитывать не приходилось. Их словно заморозили громкие названия всемирно известных агентств. А пройти на мост нам помог большой пограничный начальник, приняв во внимание, что мы из Киевского Краснознаменного. К стальным фермам моста пришлось бежать, поскольку с той стороны уже двинулись боевые машины.

В какие-то секунды все смешалось. Капитан-пограничник, ответственный за порядок в рядах журналистского корпуса, хватался за голову, видя, как пожилые и юные представители одной из древнейших профессий карабкались по фермам моста, балансируя на узких парапетах, рискуя сорваться и свернуть себе шею, смыкали плотные ряды на проезжей части.

Бронетранспортеры, с развевающимися алыми знаменами, один за другим выезжали на родной берег. Солнце играло на эмали орденов и медалей, приколотых в честь такой даты на зимние куртки. И вновь мы увидели на их лицах особенный свет, которым озаряется человек после тяжелых испытаний в минуту встречи с Родиной.

Они улыбались и вытирали набегающие слезы одновременно. Что-то кричали – не слышать было за мощным гулом двигателей. Как-то кольнула мысль: ну почему первые секунды исторического события, первые улыбки и слова видят и слышат именно журналисты? Почему не те, самые родные и близкие им люди, ждущие там, за КСП? Но у государственной границы свой порядок.

Прошли два последних батальона. На середине моста остался один БТР.

– Громов идет, Громов! – с новой силой забурила «пресса». Подобно журавлиному клину, острием которого явился оператор Центрального телевидения, журналисты попытались «прорвать» границу, но пограничный наряд был начеку. А там, на мосту, метрах в трехстах, происходило следующее. С брони, осененной огненным шелком Боевого Знамени армии, легко и молодо спрыгнул генерал-лейтенант Громов. Доложил представителю вышестоящего командования, затем совсем не «строевым», а просто и уверенно, как человек, завершивший большую и сложную работу, зашагал к родной земле.

На мосту воцарилась тишина, рассекаемая только сухими щелчками затворов фотоаппаратов, стрекотом кинокамер. И тут случилось неожиданное, о чем не знал почти никто, даже сам командарм. Навстречу ему выбежал худощавый подросток в черной курточке, без головного убора. Это был старший сын Бориса Всеволодовича – Максим. Отец на секунду остановился, обнял его. А потом, не снимая с мальчишеских плеч своей руки, так вместе с сыном ступил на советский берег.

И тут уж журналисты не выдержали – это было их звездное мгновение. Плотным, многослойным кольцом, прорвать которое не представлялось никакой возможности, они окружили командарма. Первые вопросы, заданные ему, и ответы на них принадлежат истории. Мы не вправе их опустить.

– Борис Всеволодович, вы сейчас увидите, сколько народа пришло на эту встречу. Но хочу вам сказать, что если бы вы видели эту дорогу все дни, когда выходили наши войска, сколько здесь стояло матерей, жен, детей, ребят, которые отслужили в Афганистане и вернулись домой! Что бы вы сказали всем тем, кто причастен к тому, что называется Афганистаном?

– Матерям низкий поклон. И особенно тем, которые здесь были, здесь ждали.

– Среди журналистов ходит молва, что ваш старший сын стал суворовцем?

– Нет, пока еще не стал.

– А будешь, Максим?

– Буду, обязательно.

– Борис Всеволодович, от земляков-саратовцев привет вам большой. Что бы вы им передали?

– Землякам низкий поклон. Я всегда о них думаю, вспоминаю.

– Товарищ генерал-лейтенант, несколько слов для воинов Киевского Краснознаменного...

– Думаю, когда мы встретимся на украинской земле, я все расскажу. Но предварительно – чтобы Киевский военный округ был в числе лучших.

– Генерал, разрешите, пожалуйста, вопрос от агентства печати «Ассошиэйтед пресс». Говорят сейчас, что Афганистан был суровой школой для Советского Союза. Какие, по-вашему, были уроки для вашей страны?

– Я об уроках говорил уже не раз на пресс-конференциях. Кратко об этом сказать нельзя, уроков действительно много. Думаю, что все они пошли только впрок...

Наверняка вопросам не было бы конца, но командарм решительно сказал: «Вы извините, я опаздываю на митинг».

«Сердечно приветствуем вас, наших славных сынов, на древней сурхандарьинской земле. Как ждали этого дня советские люди!» – такими словами открыл митинг первый секретарь Сурхандарьинского обкома партии С. Мамарасулов. Приветствовали воинов-интернационалистов генерал армии Н. Попов, секретарь ЦК Компартии Узбекистана В. Анишев, председатель областного совета ветеранов войны и труда А. Исмаилов, воины запаса Х. Масабиров и В. Пахламков, удостоенные наград за мужество, проявленное в Афганистане.

Тысячи людей затаили дыхание, когда к микрофону подошел генерал-лейтенант Б. Громов.

«Более девяти лет наши воины находились в Афганистане. И все эти годы десятки тысяч парней, прошедшие суровую службу, по праву носят звание воинов-интернационалистов. Выполняя свой долг, они погибали. И скорбь о павших в наших сердцах будет всегда. Почтим их память минутой молчания...».

Быстро прошла церемония награждения солдат и офицеров наручными часами. Прозвучали гимны Советского Союза и Узбекской ССР. Рассыпались в небе ракеты праздничного салюта. Только пограничники в касках и бронежилетах, занявшие окопы и траншеи у реки, не могли принять участия во всеобщем ликовании. Их глаза были устремлены к сопредельной стороне.

И вновь грянула медь труб, рассыпалась дробь барабанов, и первым на советской земле торжественным маршем прошли два последних «афганских» батальона. Бился над толпой пронзительный женский голос: «Слава героям! Слава героям!»

– Сколько зольдат осталось там? – спросил нас в этот момент западный немец. Мы с сожалением посмотрели на него.

Митинг как митинг. Внешне. Главное же было в сердцах людей. Вновь поднявшийся «афганец» трепал транспарант со словами: «Хуш келибсиз, азизи дустлар!» Холмы у границы опустели. Но остался на месте обелиск, повернутый лицом к чужой стороне...

Да, сколько их было, сколько разбросало по дорогам Афганистана? Где они теперь, какова судьба этих памятных знаков? Говорят, что вывезли их в Союз, а какие не смогли – те взорвали, чтобы «духи» не надругались над памятью ребят, павших в бою. Судьба одного из них нам стала известна, потому что оказались свидетелями берущей за душу сцены, когда одна из колонн остановилась на холме у границы. Ребята бережно сняли с кузова обелиск и на руках понесли его на самое видное место у дороги. Они так быстро установили его, что даже внимательные пограничники не сумели вовремя зафиксировать новый объект у КСП. А водители положили алые гвоздики. Постояли. Помолчали. Закурили. Кто-то не сдержался, вытер набегающие слезы. Просигналили, прощаясь с другом, и уехали, уверенные, что никто не посмеет тронуть обелиск с такой надписью:

ГРОМ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
1968 – 19. IV – 1988 – 27. IV

Двадцать лет и восемь дней – вся жизнь...

Мир стремится к прогрессу и благоденствию. А горе человеческое становится более жестоким. Кому предъявлять счет?»

КТО РАНО ВСТАЕТ...

(Термез, гостиница, 16 февраля)

Да что же они так барабанят! Взяли же ключ, черт подери! Аллахвердиев мягко скатился с кровати, постоял секунду-другую на четвереньках, пробуя, насколько в нем еще сидит снадобье. Странно, будто ничего и не было. Он посмотрел на часы. Конечно, шесть пятнадцать. Ну, загуляли орлы. В дверь опять постучали, потом послышался жалобный голос: «Товарищ Аллахвердиев, откройте, пожалуйста. Я знаю, вы здесь. Очень нужно. Прошу вас, откройте». Повернув защелку, Акбар буквально принял на руки дрожащую молоденькую узбечку, дежурную по гостинице. «Там... там, – залепетала женщина, – в соседнем. Я боюсь! Пойдемте со мной. Они, кажется, не дышат, и запах какой-то».

Все, потянулась цепь воспоминаний. Вот теперь проснулся окончательно. Вчерашний «базар» за стенкой, хвойный «Торнадо», «ни звука, ни пули через полчаса».

– Вы зачем туда заходили, сестра? – Аллахвердиев предусмотрительно задал вопрос на узбекском, поскольку на родном языке человеку врать труднее.

Из сбивчивого рассказа сложилось следующее. Полчаса назад в вестибюль вошли две женщины, русские, поздоровались, начали доставать документы...

– Машина стояла. «Волга», черная. Такие они... строгие. Потом одна подошла, протянула книжечку, удостоверение. Больше ничего не помню. Как во сне. Туман перед глазами. Ноги онемели. По шагам поняла только, что поднялись на ваш этаж.

– Как уходили, видела? Может быть, они еще здесь?

Дежурная замотала головой:

– Ушли... Дверь входная хлопнула, это я слышала. А потом все прошло... В милиции трубку не берут. Я поднялась сюда. У ваших соседей дверь открыта. И они лежат на полу. Пойдемте, а?

– Нет. Туда нельзя, – как можно тверже сказал Аллахвердиев, – все на тебя ляжет, если что-то серьезное, а не пьяные там. Иди, звони в милицию, дежурному по обкому, директору, наконец. Не бросай трубку, пока не дозвонишься. Вызывай быстрее. Твое дело доложить. И я туда не пойду, слышишь? – Он подтолкнул дежурную к двери.

Сказать, что дальнейшие его действия были продуманны, – значит попросту соврать. Включилась программа, над которой Аллахвердиев был не властен. Та самая, что безотчетно заставляла «совать нос туда, куда собака хер не сует». Оправдания он придумывал потом и только для любимых женщин. Мать все и так понимала, а друзьям – ни к чему. А чем плох этот «внутренний голос»? Ну, ведет? Да ведь и спасал пока!

Приоткрытую дверь соседнего номера он толкнул рулончиком бумажных полотенец, прихваченным в туалетной комнате. Точно. Оба лежат у кроватей лицом вниз. Это хорошо. Запах... Полынь... Нормальный запах. Вот его источник – завалившаяся бутылка абсента. Дежурной этот аромат неизвестен. Не было тут особой борьбы. А что трупы на полу – так обыскивать легче. Хотя оба в новых спортивных костюмах, что в них спрячешь? Бардака нет, крови нет... О, мастера работали! Женщины? Ну и что? А не милая ли девица пропорола ему предплечье и брюшину семь лет назад? Не реакция – Бог спас! Метила, голубка, точно под пятое ребро, одного не знала, что левша перед ней, успел отбить клинок...

Аллахвердиев легонько толкнул рулончик через порог и ступил на белую, в незабудках, дорожку... Логика подсказывала, что приходили за обладателем «Торнадо». Второй случайно влип. Теперь режим осмотра. Тридцать шесть кадров – тридцать шесть секунд. Сумки – мимо. Подушки – нет. Шкаф – не то! Окно – не подходило, понятно... Они не ждали... Что? Послед-

ний кадр, и надо уходить. Пачка. На столе почти полная пачка сигарет «Ротманс», перчатки, ключи. Выходили?

Аллахвердиев медленно отступил в прихожую, сматывая за собой рулончик, задержался у вешалки и, поморщившись, промял предплечьем кожаный плащ и пуховик. Есть! Локоть наткнулся на продолговатый предмет во внутреннем кармане роскошного афганского кожана. Настоящий «пусти». А вот на нем сам Цербер следа не возьмет – крепко пахнет эта кожа родным пакистанским бараном.

Баллончик, расписанный хвоей и шишками, он засунул под резинку носка и выскользнул в коридор, утаскивая бумажную дорожку. Вовремя! На первом этаже хлопнула дверь, потом с улицы донесся визг тормозов. Добычу он втиснул в несессер, бок о бок с пеной для бритья. Не приведи Господь побрызгаться по запарке. Вся жизнь – прерванный на пике акт! Куда занесет?

Повезло. Ребята зашли в номер на минуту раньше многочисленных представителей власти. Тем самым суматоха усилилась, вопросы и объяснения были сумбурными. Временное ограничение свободы не состоялось, поскольку Павел тут же набрал ташкентский номер. С ЦК, пусть даже и комсомола, в то время спорить было не принято. Да и не в традициях Востока посвящать гостей во внутренние дела. Предупреждая последующие вторжения, Павел вывесил на двери «охранную грамоту»: «Делегация ЦК ЛКСМ Украины. Просьба не беспокоить до 16.00».

– Братцы, заканчивайте ваши интервью, съемки. Завтра вылетаем. В двенадцать. Два часа в Ташкенте, и вперед. Билеты взяли уже. Вечер свободный, – Павел лег на кровать, сладко потянулся, закинув руки за голову. Видно, хорошо прошла встреча в госпитале, поскольку и Клубный был намерен с утра отдохнуть.

– А вы на каких радостях загуляли?

– Тебе бы так погулять, – уже сонным голосом отозвался Клубный. – Собрались было сюда выдвигаться, а тут все машины вызвали к ресторану. Там «афганцы» комендачей и милицию потоптали, в кабак прорвались. Ну, потом, естественно, кого на «губу», кого на месте лечили, а пятерых так и положили в хирургию. С охраной. Народ как с ума сошел.

– А время? Во сколько?

– В госпиталь их привезли в два где-то. Буйные, спасу нет. Прокуратура явилась сразу, особый отдел, гражданские какие-то с ними. А что допрашивать? Они хоть и в кровище – песни поют и матерятся. Водка местная – дрянь. Дена... как?

– Денау, поселок такой. Отрава, да. Попил я ее за речкой, вертолетчики возили, – рассеянно заметил Аллахвердиев.

Выходит, применил «спец» «освежитель». Проверил. Ну, царствие небесное. Суровый, однако, исход... Точно – «Торнадо»!

– Ладно, отдыхайте, я отлежался, два стакана на грудь принял, как убитый спал. Посижу, пленки прослушаю, вчера много набрали...

Акбар достал кассету с надписью «Товарищ генерал», присоединил к диктофону наушники и прикрыл глаза. Голос спокойный, уверенный, голос победителя заполнил пространство...

«...Значение очевидно. Очевидно в том, что если до восьмидесят пятого года вообще не шла речь о выводе советских войск, то начиная с восьмидесят пятого...».

«ТОВАРИЩ ГЕНЕРАЛ...» (Микрокассета «Sony», сторона А)

«– Товарищ генерал-лейтенант, вы возглавили и завершили вывод ограниченного контингента советских войск. Какое значение, по-вашему, имеет это событие для нашей страны и в международном масштабе?»

– Значение очевидно. Очевидно в том, что если до восьмидесят пятого года вообще не шла речь о выводе советских войск, то начиная с восьмидесят пятого вопрос встал конкретно, с учетом некоторых специфических задач, в том числе и в международном плане. Было принято решение начать вывод войск в мае тысяча девятьсот восьмидесят восьмого года. Я думаю, что именно оно явилось примером того, как наше руководство, наше новое советское руководство, подходит к таким колоссально сложным вопросам, как конфликт в Афганистане...

– С точки зрения средств массовой информации западных стран уход советских войск из Афганистана напоминает бегство американских войск из Сайгона. Что вы скажете по этому поводу?

– Я уже не раз говорил о том, что не может быть никакого сравнения. И цели, и задачи другие были, география совершенно другая. Самое главное, мы вошли по просьбе законного афганского правительства, а во Вьетнам Соединенные Штаты Америки никто не приглашал. Вывод наших войск явился результатом женевских соглашений, под которыми поставили подписи в том числе и США, как гарант выполнения этого соглашения. Ни о каком бегстве речи быть не может. Бегство – это когда войска бегут, оставляя все на своем пути, то есть терпя поражение.

– Западные средства массовой информации в течение двух недель перед окончанием вывода утверждали, что по дороге Кабул – Саланг-Хайратон советские войска оставили за собой выжженную землю, дабы обеспечить безопасность движения...

– Когда мне этот вопрос задали на пресс-конференции, еще в Кабуле, я пригласил перед началом многих из представителей западной прессы проехать и посмотреть, где же выжженная земля. Это просто домыслы. Ведь мы ничего не скрывали в Афганистане. Массовые средства информации, представители крупнейших агентств мира имели возможность быть там, где хотели. Они были и на Саланге, и вдоль всей дороги. Выжженную землю мы не могли оставить хотя бы потому, что не было причин для этого.

– Не могли бы вы дать оценку боеспособности подразделений афганской армии на данный момент для того, чтобы опровергнуть еще одно утверждение о том, что афганская армия не продержится и двух дней после того, как наши уйдут из Афганистана?

– Вопрос непростой. Потому что, начиная с 1980 года, мы вкладывали в афганскую армию много сил. Я не имею в виду только вооружение, хотя и это было предусмотрено двусторонним соглашением. Самое главное – мы вкладывали много сил в обучение командиров подразделений афганских вооруженных сил, показывали личным примером, как надо воевать. Я думаю, что результат, в общем-то, был положительный. Примеров тому немало. Джелалабад – держится, хотя именно о нем говорили больше всего; Кандагар, самая горячая точка Афганистана, до сих пор стоит, причем неплохо. Кундуз – единственный пример – был захвачен. Там оппозиция показала свое звериное лицо. Пострадало только мирное население. Но афганская армия его опять вернула. Герат, Газни, Хост... Хост, казалось бы, на границе, отрезанный от страны, держится. Поэтому все это вымыслы, домыслы, разговоры об афганской армии, что

она не продержится и двух дней. Есть у нее сложности свои, проблем много, но у этой армии все есть для того, чтобы продержаться.

– **Товарищ генерал-лейтенант, так сложилось, что вы – первый командующий ОКСВ, который открыт в печати. Но ведь до вас были и другие. Справедливо ли, что в период гласности они остались неизвестными?**

– Я считаю, что несправедливо. Каждый командующий, а их было до меня шесть, я седьмой, сделали очень много. Каждый выполнял свой долг, у всех были свои сложности. Ведь армия выполняла не только боевые задачи, и не столько боевые. Если взять те вопросы, которые мы там решали, то процентов шестьдесят приходилось именно на миротворческие задачи.

– **Как вы относитесь к тому, что в последнее время в печати идет погоня за «жареными» фактами из жизни Вооруженных Сил?**

– Об армии легче всего рассуждать, она на виду. Как человек, отдавший всю жизнь армии, я таких журналистов не понимаю. Доводилось мне встречаться с редакторами многих изданий, с корреспондентами, пишущими на эту тему, причем зачастую по слухам. Недавно в «Московской правде» описывались невероятные события, которые якобы имели место при выводе советских войск из Афганистана. Прежде чем писать, надо знать предмет.

– **В печати часто поднимается вопрос о судьбе пленных. Есть ли среди них такие, кто попал в руки оппозиции в результате личной недисциплинированности?**

Есть и такие. Есть и попавшие в плен в результате трусости, в силу других, более сложных обстоятельств...»

НАЧПО, НШ И МАТЬ СОЛДАТА (Микрокассета «Sony», сторона В)

«— ... Раз-раз. Раз... Наш собеседник – генерал-майор Захаров Александр Имаметдинович, начальник политического отдела сороковой армии. Все, заходим, ребята... Он меня помнит еще по восемьдесят шестому, полковником был тогда...»

– **Как вы относитесь к утверждению, что все наши труды после вывода войск из Афганистана пойдут прахом, что там будет кровавый потоп?**

– Нет. Не думаю, что это будет так. Сейчас там идет бурная консолидация прогрессивных общественных сил вокруг правительства, единение сил партии. Возможно, что происходит даже некая демонстрация, подчеркивающая наличие сил, способных отстоять завоевания Апрельской революции. Конечно, дальнейшее развитие событий простым не будет.

– **Как вела себя вооруженная оппозиция, когда вы проходили в колоннах по той стороне?**

– По-разному. Думаю, что меры политического, дипломатического и военного порядка, предпринятые правительством Республики Афганистан и нашим руководством, поставили боевые формирования оппозиции перед определенными реалиями...

– **За рубежом вывод войск из Афганистана сравнивается с эвакуацией из Сайгона. Ваше мнение на этот счет?**

– Мне довелось быть в составе колонны, которая выходила из Джелалабада пятнадцатого мая прошлого года, прошел с нею через Кабул, сюда на мост Дружбы. Не думаю, что специально для этой колонны были организованы такие проводы. Ведь дороги на всем протяжении были буквально усыпаны цветами, на лицах людей светились улыбки...мы помогали решать многие проблемы экономического, социального характера. А главное – защищали население от экстремистов. Так что в любом случае сравнение Кабула с Сайгоном, Афганистана с Вьетнамом – неправомерно. Оно из области «черной» пропаганды...

«— Раз... Раз... Должно хватить. Утром свежие вставлял. «Наш собеседник – начальник штаба части полковник Владимир Долич... Долич. Дмитрий-Ольга-Леонид...»

– **Ваша часть одной из последних покидала Кабул. Какие задачи в связи с этим были возложены на нее?**

– Одна из задач – обеспечение подвоза продовольствия для Кабула, передача застав афганской стороне, гарантировать безопасность прохода наших колонн. Ну и самим выйти.

– **Не было ли у ваших подразделений стычек с вооруженной оппозицией во время передачи застав?**

– Были. Не раз приходили, нагло требовали: отдайте, мол, нам. Естественно, об этом не могло быть и речи. Все имущество, инженерное оборудование передавалось только представителям вооруженных сил Республики Афганистан. Мятежники противодействовали этому. Обстреливали. Порой тысячными толпами накатывались на заставы.

– **Чем вооружены отряды оппозиции?**

– Самым современным оружием. То, что у нас, то и у них. Тут уже другой вопрос. Мы-то все передавали афганской армии, а отдельные ее представители бросали оружие. Вплоть до того, что переданные афганской стороне танки и бронетранспортеры попадали к «духам». В афганских частях не находилось механиков-водителей, а мятежники, смотрим, уже на танках раскатывают, на бронетранспортерах, на БМП... С Саланга мы уходили, нас пытались обвинить в том, что мы не передаем технику. Но вот я сам свидетель, последним уходил с Саланга: стоят наши танки в снегу, брошенные, с полными боекомплектами, исправным вооружением. Все брошено...

– **Знаю, под Кабулом, где стояла ваша часть, у вас был прекрасный военный городок. Вы его передали?**

– Все передали по акту, все имущество, только тронулись колонной, как в городке началось разграбление. Тащили кондиционеры, холодильники, телевизоры... Обучали афганцев управлению всем хозяйством. Но это порой было такое обучение: мы их «за уши» тянем, а они разбегаются тут же. Только ушли: с дизельной разбежались, с хлебопекарни тоже. Последняя перекачка горючего шла, ее обеспечивал один из наших батальонов, охранял трубопровод. Горючее шло для афганских самолетов. Так, при мне заезжали машины, разливали керосин по бочкам. Не для самолетов, а все пошло по кишлакам.

– **Были провокации на маршруте со стороны мятежников?**

– Были... Зайдут со стороны кишлака, обстреляют заставу в надежде вызвать ответный наш огонь по населенному пункту. Но был приказ: на такие провокации не поддаваться.

– **Верно ли, что в Афганистане наш солдат мог за бесценок у местного населения приобрести наркотики?**

– Можно было и не платить. «Духам» было бы очень выгодно, чтоб наши ребята стали наркоманами. Но такого не произошло.

– **Что вы скажете об отношении к вам здесь, на советской земле, в первые дни?**

– Самое обидное то, что мне сейчас офицеры пожаловались: выгоняют из гостиницы тех, кто успел устроиться. Места нужны для иностранных корреспондентов. Родина встречает, а из гостиницы выгоняют. Опять парадность в моде? А здесь ни воды, ни света, половину офицерского состава опять в казармах разместили. Опять горят костры афганские, сами себе готовим еду...»

(Запись обрывается. Новое включение. Легкое постукивание по микрофону. Женский голос.)

«...я точно узнала, что он там, за мостом. Нашла его друзей, они в госпитале лечились, тоже пришли встречать. Друзья мне сказали: «Мы вашего Иванова поймаем». Увидели его, остановили машину. Он басит: «Мам, наверное, нельзя в кабину». А я тут с кефиром, яблоками, печеньем, гостинцами. Говорю ему: «Двигайся, а то сейчас весь кефир вылью тебе на голову»... Я своего сына больше в Афганистан не пошлю. Я на военных богу молилась, думала, что самые порядочные люди. Оказалось – разные... Льготы? «Афганцев» из очередей гонят. Говорят: «Какие у вас льготы, вы ездили в Афганистан деньги зарабатывать»... С жильем тяжело им приходится...».

НЕЗРЕЛЫЕ МЫСЛИ

Акбар с немалым облегчением отложил наушники. В розовой дымке выполненного интернационального долга чернели и чадили «головешки-говешки». Но все же закончилось, нет смысла во лжи? Зачем? Он уставился на неровные, торопливые строчки: «...Мы ничего не скрывали в Афганистане... Представители крупнейших агентств мира имели возможность быть там, где хотели... Мы не ставили перед собой никаких военных целей, к примеру разгромить вооруженные формирования оппозиции... Кундуз, единственный пример, был захвачен. Там оппозиция показала свое звериное лицо. Пострадало только мирное население. Но афганская армия его опять вернула... Армия выполняла не только боевые задачи, и не столько боевые... процентов шестьдесят приходилось именно на миротворческие. Дороги на всем протяжении были буквально усыпаны цветами...»

Ух, как густо! Кого же до последнего дня гвоздили? А Кундуз развалила та сотня моджахедов, что вошла в городишко без выстрелов? Афганская армия? Да она вместе с царандоем и всеми властями тут же перешла на сторону «духов». Нет, Кундуз размолотили с воздуха «шурави». И с аэродрома командовали генералы сороковой армии. И вошли первыми в этот глиняный хлам тоже наши. Значит, генералов «поздравляем соврамши». Ну, это обычное дело. Интересы государства! Правда об афганской армии, вот она: «...бросали оружие. Вплоть до того, что переданные афганской стороне танки и бронетранспортеры попадали к «духам»... вот я сам свидетель, последним уходил с Саланга: стоят наши танки в снегу, брошенные, с полными боекомплектами, исправным вооружением. Все брошено...»

Итог выплаты интернационального долга? Господи, ведь так и узаконят совершенно издевательское определение – «воин-интернационалист»! Но и «афганец» не лучше. Это уж точно в кавычки брать придется... Впрочем, истинное величие Родины в том, что дерьмо вождей отмывается кровью патриотов. Как там у Маяковского: «Отечество славлю, которое есть...» Сказал и застрелился, наверное, от любви. И не так уж много, по родным меркам, тридцать тысяч убитыми и калек за десять лет. Афганцы? А кто их считал? Нет, конечно, когда-то предъявят и кишлаки раздолбанные, и могилки безымянные. Армяне сколько лет туркам не прощают. И не простят. А турки – курдам. О своих лучше молчать! Вон, в Киеве памятную доску Шамилю повесили. Толковый был мужик, с русскими колонизаторами боролся. Это потому, что Бандеру пока нельзя увековечить. Так и живем...

Мысли «незрелые», бесплодные, паскудные, непечатные... Аллахвердиев потянулся к тумбочке. Горькую пилюлю следовало немедленно запить. Клин – клином. Водка – лекарство, но только от страха. Даже от простуды не лечит. Настоящие алкаши – жертвы страха. Это было, прибывал офицер в Афган и начинал жрать с утра до ночи. А какой с пьяного спрос? Солдату тяжелее приходилось. Кто ж ему столько водки даст?

Акбар налил четверть стакана, потом, после секундного раздумья, добавил пару «булек», полстакана – два глотка, но выпить не успел. В дверь сильно толкнулись, и послышался хриплый баритон: «Акбар! Эй, комсомолец на пенсии, открывай. У меня руки заняты. Акбар, ты здесь?»

Аллахвердиев, едва не опрокинув посуду, метнулся к выходу. «Джума, Мишка! Ты?» Вот это подарок! На пороге, обхватив двумя руками пузатый пакет, стоял Мишка Джума. Он же капитан Горшенев Михаил Андреевич...

ИСТИНА? В ВИНЕ...

Судьба свела их в декабре 1987-го в Миянхейле, у Черных гор. Аллахвердиев в очередной раз уточнял, кто виноват в обстреле очередного автобуса с мирными жителями: советский вертолет, засадивший в крышу парочку НУРСов, водитель автобуса, испугавшийся «шайтан-арбы», или злые душманы – враги политики национального примирения? Последние стоили дороже, но были предпочтительнее, поскольку пять трупов и десяток раненых афганцы доставили в столичную больницу вскоре после атаки. Да еще своих «двухсотых» выложили на ступеньках приемного покоя. Это вам не бумажно-рупорная армейская спецпропаганда! Случай, конечно, был не самый тяжелый. Главное – все на виду. И без попыток уйти от афганского «бадал-хистал», виры – платы за кровь, за урон и обиду. Вот этого пуштуны не любили и считали куда большим грехом, нежели убийство. Тяжелее было, когда «охотники за караванами» шарахнули по легковушке с женщинами и детишками. Почему удирал водитель? Смерть – от Аллаха, а вот угроза надругательства – это страшнее. И думали «охотники», стоя над убитой женщиной и умирающим водителем, над чем? А куда девать оставшихся в живых старуху и мать с двумя малышами? Значит, была мысль уже? Командир «охотников» связался с командиром части, а тому пленные были «не нужны». Так и сказал. Естественно, прикопали. Но неглубоко. Стрелять-то легче. Афганцы же (отсталый народ!) своих мертвых, по обычаю, хоронят сами, а потому детско-женскую «захоронку» разрыли и суровый счет выставили. Тогда на краю этой пологой ямки Аллахвердиев не смог ответить на вопрос старика-пуштуна, родственника убитых: «Зачем их положили лицом вниз? Это грех». Потом ответил сам себе: «Боялись. И в затылок стреляли – боялись». Страх – отец жестокости.

Чем кончилось? О, редкий случай. Не одного только солдатики-исполнителя судили, а еще и командира части, который буркнул по рации, что ему пленные ни к чему. Командира амнистировали прямо в зале суда. Во имя сорокалетия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Солдатик отсидел свое, по году за некрещеную душу.

Горшенев с отделением разведчиков тоже решал часть миротворческой задачи, наглядно доказывая, что упомянутый «хейль» – место бандитское. «Рексы» быстро нашли в окрестностях кишлака парочку схронов с патронами 7,62 мм и выловили четверых очень уж гладких с виду дехкан. У одного был на спине большой синяк. Ну и что же, что не на плече? Не стрелял из базуки, так мины таскал. Нечего по оврагам прятаться. Дальше пусть ХАД, афганская безопасность, разбирается. Душман, он и в Африке – душман! А ЧК и в Афгане ЧК. Жалко, конечно, скорее всего – от призыва в доблестные ВС ДРА скрывались.

У нищенского дукана на окраине кишлака Аллахвердиев поджидал переговорщика с новыми сведениями о размере и ассортименте «выкупа за кровь». Керосин, рис, масло, мука, сахар. Лишь бы не деньги и оружие! Это не поощрялось. Первых, как всегда, у командования не было, а со вторыми и так понятно.

Шумел примус в недрах ржавого контейнера, страдал магнитофонный Ахмад Заир по причине безумной любви. Офицер, вполне рязанского обличья, в зеленой ватной куртке, прикрыв глаза, тянул жиденький чай из щербатой пиалы. Студеный воздух, пыль, керосиновый чад, шершавые, кривые деревца. Вся эта черно-серая гамма бытия вызвала наплыв тошноты. Офицер, не открывая глаз, протянул пиалу дукандору за новой порцией чая и на отличном фарси сказал: «Уважаемый, разве в этой стране нет других песен? Мне и без того грустно».

Акбар заинтересовался – славяне, так владеющие персидским языком, были на счету в сороковой армии. Да что в армии! В округе основную массу переводчиков составляли таджики и узбеки. Фарси (таджикский) они знали, бесспорно, но вот с русским у них была большая беда!

– Болтают, что он погиб из-за дочери Амина, – присел рядом Аллахвердиев.

– Хорошие люди долго не живут! Настоящий герой – мертвый герой, – засмеялся офицер.

Детдомовец, усыновленный в Душанбе семьей профессора иранской филологии, Горшенев мог бы сделать великолепную карьеру востоковеда, но всему предпочел военное училище в Ташкенте. Наверное, сказались гены неведомых ему, кровных, родителей.

Вот какой напарник нужен был Аллахвердиеву. Одно дело, когда с гордым пуштуном или родовитым таджиком разговаривает узбек из Иттихаде шурави или тот же «неверный таджик», и совсем иное, если твоим языком, как родным, владеет человек Писания, христианин. Если первые – сущие кафиры, то до второго Ислам, в своем победном шествии, просто пока не дошел.

По возвращении в Дар-ул-Аман Акбар «сдал» Горшенева по полной программе, и в нескольких спецпропагандистских вояжах они работали вместе. Михаил понимал Восток. «Здесь все настоящее: любовь, ненависть, вода, хлеб и воздух. Они даже в Бога не так верят, как мы. Он у них есть – и все, точка! И смотри как: Создатель миров. Вот тебе и эксклюзия Земли и твердь небесная. Это же астрофизика – Создатель миров!» Потом Михаилом заинтересовались более серьезные люди. Последний раз они виделись в августе 1988 года, когда Михаил улетал с советниками в Джелалабад, к этому времени «освобожденный» от воинов-интернационалистов. Да только ли этот банановый форпост весело распрощался с ограниченным контингентом! За три месяца сороковая армия «похудела» втрое. Уходили, оставляя львиную долю военного имущества в виде безвозмездной помощи. Мировая, российская и советская история не знали такого щедрого вывода войск! К сентябрю 1988 года в Афганистане оставалось около пятидесяти тысяч солдат и офицеров в шести провинциях.

«Подпольную» кличку Джума Мишка получил ввиду одной странной особенности. Все, что нормальные люди организуют в субботу – он предпочитал делать в пятницу. Ну, там, поздний подъем, долгий утренний чай, стирка, баня, посиделки, отдых в целом. За это и был наречен Джумаханом – владыкой пятницы. Потом сиятельное «хан» отпало, и осталась одна пятница – «джума», священный день мусульман.

– Сметай со стола свои мазмуны. Все равно правду не скажешь! Я тебя заметил еще на мосту, потом на митинге. Кончился Афган – вот и все. Не для всех, конечно. Ребята спят?

– Уже нет, – отозвался Павел, с интересом оглядывая гостя. Да ведь и было за что взгляду зацепиться. Муаровая планка: два ордена Красной Звезды, медали «За отвагу» и «За боевые заслуги» и еще какая-то серо-голубоватая.

– Первая – Джелалабад? А вторая? – Акбар внимательно посмотрел на Горшенева.

– Брат, да после твоего отъезда, знаешь, всякого хватило. Вы же меня бросили? Сергей за тобой ушел, потом Олег, Мирзали. За Матун, наверное. Штаб армии представлял. Я этих наградных в глаза не видел. Да Бог с ними, вот сейчас и обмоем, заодно.

Из того, что Мишка назвал Хост малоизвестным – Матун, Аллахвердиев заключил: не стоит развивать тему дальше. Да и ведь если видел его Джума на мосту, и это: «Кончился Афган. Не для всех, конечно». Ладно, еще поговорим...

Мишкиного «Нерона» хватило до четвертого стакана. Коньяк, да еще афганский, это «не фонтан», когда умиротворена душа встречей с другом. Вот перцовка иное дело! Пили, закусывали, делились впечатлениями – все шло приятным сердцу, накатанным путем. Но чувствовал Аллахвердиев – напряжен Джума. Мимолетно задал вопрос на фарси: «Все нормально, брат?» А Михаил ответил на русском, подняв стакан: «Все нормально только на небе... и в военной прессе! За военных журналистов, ребята. Чтобы вы ни писали, но были там, а это главное».

– А вот я не был, – с досадой сказал Клубный, – думал хоть ногой ступить на тот берег, да пограницы запротивились. А хорошо бы...

Эту идею, хоть одной ногой побывать в Афганистане, Клубный вынашивал с самого начала командировки. Желание для журналиста, в принципе, понятное. Но не сложилось. А вот у Мишки заявление Клубного вызвало странную реакцию. Он встрепенулся, как будто что-то важное хотел сказать, но вдруг заторопился, мол, пора в лагерь. Да и то ведь – смеркалось.

Перед гостиницей в ожидании такси закурили, и Аллахвердиев, нащупав в кармане листок с выписками из интервью, дал прочитать Михаилу.

– И что тебе непонятно? – хмыкнул Джума. – Истину ищешь? Она, как всегда, в вине.

– Не понял? Это как-то обще...

– Не в бормотухе! В вине каждого, конкретных заслугах перед всей этой мутной историей. Больше вина – больше лжи. Это же очень мудро – кто много знает, имеет честь и право соврать, не клепать же на себя. А солдат, он правду скажет, но ведь это – окопная правда, на сто метров. Пока пацан вырастет, осознает, тут и кровь подсохнет. Вот скажи, знакома тебе история с рейдом Примакова в Афганистан?

– Ну, в общих чертах. Двадцать девятый год? Это когда Аманулли пытались восстановить, а он сбежал с казной? Витмар – Рагим-бей?

– Да я и сам в толк не возьму, почему они турецкими именами прикрылись на узбекском направлении. Ряженные. Да дело не в том. Мне один старичок-генерал в Мазари подвернулся. В ту пору в Пата-Хиссаре служил. Показал старую английскую газету. А там речь об афганских потерях за две недели этой экспедиции. Шесть тысяч. Прикинь. Бойня. Из этих шести тысяч – пять к афганской армии отношения не имели.

– У Примакова было тысячи полторы от силы?

– Да, но внезапность, артиллерия, авиация и чертова туча станковых пулеметов, а главное – все дозволено. Вот в чем суть. Все, и химические снаряды в том числе.

– Миша, похоже, мы не о том заладили. Вести какие были от ребят? Сергей ко мне в Киев наведалься. Погуляли хорошо. Водку в самовар налили и почти усидели самоварчик электрический. А потом Серега забыл и включил. Картина была! Ты-то куда определился?

– Акбар, поехали со мной в лагерь. Давай, по-старому, отметим встречу, как в Балахиссаре, помнишь? Я тебе кое-что привез интересное. Поехали, а?

– Да в чем вопрос, – с излишней горячностью, пожалуй, заверил Аллахвердиев, – до утра разберемся, надеюсь. Едем, Джума! Дай семь секунд: мыльно-рыльные захвачу, ребятам скажу.

Павел неодобрительно отнесся к сообщению о поездке в полевой лагерь:

– Ты же смотри, не загулай. Пока соберемся...

– Да я к ночи вернусь. Ну, в крайнем случае, с утра пораньше буду. Разбужу заодно.

Заталкивая в кофр с «Яшикой» полотенце и несессер, Аллахвердиев было выложил «освежитель» в сумку, но что-то заставило его помедлить. Что? Настороженный взгляд Павла. Будто спросить хотел. Это хорошо, что не спрашивает. Повинуясь внезапно нахлынувшему раздражению, выложил на стол диктофон, запасные кассеты и батарейки.

Таксист запросил пятьдесят рублей. Акбар было возмутился, но Михаил остановил его:

– У них нынче праздник. Да и вообще, вспомни, как говорили в Туркестане: «У русских столько денег, что они их не считают!»

Ехали молча, только один раз Михаил, обернувшись, сказал:

– Хорошо, что капитан твой в Афган не проскочил. Потом ему не нужно будет врать. Не был, и все тут. Знаешь, сколько их, кто одной ногой в Афгане постояли? Вот их сила и правда будет. А ты про истину какую-то...

Знать бы Аллахвердиеву, чем обернется эта поездка! Нет. И тогда бы рванул, с еще большей уверенностью. Не в этом дело. Привиделась ему тень отрешенной рассеянности в глазах Джумы. Скорбная тень, предвестница больших неприятностей. Нетрудно научиться ее распознавать. Но как прямо сказать человеку: остановись, привычные занятия, рутина завтра могут обернуться смертью.

ПОСЛЕ «ТАЙФУНА»

На КПП – шаром покати. Джума, чертыхнувшись, вылез из такси, сам поднял полосатую трубу, извозив руки черной краской.

– Давай, шеф, в конец, вон тот синий модуль. С торца притормози... Чем они красили этот журавль?

– Смолой на соляре, – засмеялся Акбар, – старая уловка. А чего зря тратиться? Как всех разгонят, и модули растащат. Кому они здесь нужны?

– Ты бы видел, что в Афгане от наших городков осталось! Десять лет строили – за неделю разорили. А мы там с телевизорами, самоварами, кровати застеленные, цветы... Тьфу!

– А ты чего хотел? Они свое взяли. Вспомни, вокруг гарнизонов – одни развалины.

– Помню, – неожиданно поскущел Михаил. – И не только это помню. Все. Приехали.

– Водка не нужна, командир? – вкрадчиво поинтересовался водитель.

– Нет. Хотя давай пару пузырей. Сколько ни возьми, все мало будет.

– За две – пятьдесят, командир.

– Спасибо, почти даром. Но ничего, скоро таких покупателей не будет. Кончается ярмарка.

– А говорят, что назад армия пойдет, на помощь Дустуму?

– Кто говорит? – Джума поставил бутылки на капот. – От кого ты такую ерунду слышал? Ну? – В голосе Михаила зазвучали недобрые и, как показалось Акбару, тревожные нотки.

– Клянусь, командир, в военкомате сказали, что север отделяться будет. Там же узбеки. Мол, готовьтесь к сборам, – таксист уже был не рад поднятой теме.

– Вот вы и собирайтесь. Давай, брат, спасибо за доставку. И больше никому глупый хабар не передавай. Эти ворота для всех закрыты надолго. А тем более для вас, узбеков.

– Ты чего вызверился, Миша? Забыл, как Восток новости любит.

– А того... Идея-то в воздухе висит. Недовоевали, недотрахаи, недо... Знаешь, кто первыми в Афган отсюда пошел? Таксопарки. Их тогда мобилизовали. Успели за неделю такой бардак сотворить, со страху.

Модуль – дощато-картонный барак – встретил их крепким духом табачного дыма, горелого масла и сапожного крема. У дверей на ящиках с патронами и гранатами бугрились новенькие вещмешки. Хорош вывод войск! Будто строевой смотр провели перед боевыми. Акбар намеренно громко втянул носом воздух и вопросительно посмотрел на Джуму. Тот молча показал на вторую справа дверь, мол, толкай, там все поясню.

Бритый наголо крепыш в новеньком «рябчике», полосатой майке, и необмятых черных джинсах встретил Джуму восторженно:

– Ну, спасибо, брат. Я уж думал, что до ночи не вернешься. А без тебя не отпускают. Курьянов артачится. Говорит, и так половина в самоволке. Падайте! По чарке? Если желудки крепкие – дынькой сушеной закусывайте, нет, так сухпай нарежьте. Короче, сплошная сухомятка. Ну, давайте за знакомство, что ли? Василий. Мусий. Фамилия такая, редкая.

– Акбар, – Аллахвердиев с неожиданным удовольствием взял залапанный стакан и махом влил в себя теплую водку. – А фамилия нормальная – казачья. Атаман был такой.

– Акбар? – крепыш доверительно наклонился к Аллахвердиеву. – Не в обиду, да? У меня с твоим именем история была два года назад. Механик-водитель, узбек, золотой парень, вот тоже Акбаром звали. А в роте до него собака, овчарка минно-розыскная, классный пес – так его Акбаром нарекли еще в Союзе. Думали, как это дело сгладить. Ну, не совсем хорошо: человек и собака с одним именем. А получилось, что они еще подружились. Этот сапер четвероногий два раза такие фугасы вынюхал, мама родная! Не было бы ни узбека, ни брони.

– А при чем здесь «не в обиду»? У меня кошка четырнадцать лет жила, Мусей звали, а потом кот – Василий. Умнейшее создание.

За стеной грянуло всей японской магнитофонной мощью: «До свиданья, Афган, этот призрачный мир. Не пристало добром вспоминать тебя вроде. Но о чем-то грустит боевой командир. Мы уходим, уходим...». Василий сморщился, крепко двинул по фанере локтем. Соседи ответили таким же неслабым толчком, но звук уменьшили.

– Не в тему песня, – Мусий разлил остатки водки. – Так я соберусь, Миша?

Джума махнул рукой: каждый баран свои яйца носит. Все мы тут... Добровольцы.

Акбару стало весело. Так иногда бывает: сидишь среди понятных людей, в привычной обстановке, сам не дурак, а «въехать» в происходящее не можешь. И тогда остается добродушно улыбаться, есть, пить, вспоминать, стрелки переводить.

– А почему – не в тему, Вася? Я автора этой песни еще в начале восьмидесятых знал. Нормальный парень, в «Каскаде» был, на севере. В Кундузе познакомились. Потом через восемь лет в Кабуле встретились.

И опять непонятно: Джума забарабанил пальцами по столу, явно предупреждая развитие темы. И крепко, натягивая кожаную куртку, только и сказал:

– А потому, что уходим с несолоным хлебалом, и еще об этом песни поем. Нормальный ход? Своих положили, чужих не жалели, а потом водки попили и песняка давить? Похоже на гражданскую войну. Только комиссары помельче.

– Слышь, диссидент макеевский, у нас не только картошку сажают... Лишнего не бери. Не дома. И дома не бери. Паспорт оставь, и это тоже, – Джума ткнул Мусия в правый бок. – Я так понимаю, за твою добычу биться не надо, сама в руки плывет? Ну? Положил сюда. Жду.

Недовольно буркнув: «Углядел же?» – Василий выложил на стол гранату с ввинченным запалом.

– К шести, как штык. Понятно? Больше ничего нет? – Джума вывернул запал и бросил гранату на кровать.

– Есть, – осклабился Мусий, – два смертельных орудия. Сквознячки. И оба в кожаных ножнах. Один могу отдать. Второй никак.

– Оставь себе. Оба. Яблочко очистить, колбаски порезать. Свободен.

– Премного благодарен. Можете занимать мою койку. Чистая. Я не разбирал. Все равно вернусь – не дадут расслабиться.

Мусий, приложив руку к груди, исчез за дверью.

Михаил потянулся к новой бутылке, но Акбар выставил ладонь:

– Давай притормозим. Меня и так взяло нормально. Чайку лучше.

– Как хочешь. А я сейчас тресну. Так лучше будет объяснять. Что молчишь? Ведь понял все?

– Не все. Понятно, что собрались. Понятно, что за речку. Не буду же спрашивать: зачем, когда? Нужно будет – сам скажешь.

– Скажу, только давай выпьем, – Джума, не обращая внимания на слабые протесты Аллахвердиева, набулькал по полстакана.

– Ты зачем Громову и Захарову вопросы задавал об аналогии с Сайгоном, про выжженную землю? Знал что-то? Проходило у наших, в сводках?

– Нет, Миша. Только «за бугром» поднимали тему. В конце января. Но это про Ишкашим, Фархар, дескать, круто бомбили по горам.

– Это в декабре. Прииски, по просьбе Наджиба, долбали, копи изумрудные. Только они все одно там открытым способом добывают. Скорее помогли, породы надробили. А я про конец января. И какие там, на хер, корреспонденты, кроме наших, в погонах, и этот еще, сказочник бессменный, хыр-хыр! Вот и все источники.

– Выходит, была прощальная гастроль?

– Тебя туда бы... – Джума скрежетнул стаканом по столу.

– Остынь, Миша. Что ты мне можешь рассказать? Чего ты не видел? Крови? Трупов? Рваной плоти после наших БШУ или их фугасов? Тебя масштабы испугали? Ты забыл, где мы познакомились, бача?

Аллахвердиев был намеренно резок. Мишке нужна встряска. До истерики – шаг.

– Давай по порядку. Вы же в конце января были на Саланге. «Духи» туда подтянулись? Лезли, да?

– Они нас не трогали. Даже переговоры какие-то шли. Говорили, от Ахмадшаха письмо было Громову.

– Прямо так? Масуд – Громову? Или тут другие играли? Я почему тебя спрашиваю: прошла информация о встрече с представителями Масуда. И где, ты думаешь? В Праге.

– Я тебя услышал. Были там из опергруппы. Посольские крутились. Весь сыр-бор из-за передачи блокпостов, застав по Салангу афганцам. Туда навезли снарядов, горючки, муки. Короче, крепости получились. И это ничего, наверное, но как займут «зеленые» точку, так и начинают гвоздить по кишлакам, мол, там «душманони инкилоби саур». «Духи» в ответ. А мы-то рядом. Разберись, кто гвоздит? Передавали-то в основном второй пехотной. Ну и пошла техника. «Ураганы», «Град», потом огнеметы.

– Афганцы начали?

– Нет, Акбар, – мы разговелись. И «зеленых» не ждали. Будто план такой был, мол, афганцы не виноваты.

– А смысл? Хотя... Постой. Это, значит, мы по «духам», они по нам – вывод сорван. Да?

– Ну, давай, мысли дальше. Даром, что ли, про Вьетнам вспоминал? Давай, ярлычок извлеки. Он тут к месту будет.

– Марионеточная армия? Ты это хотел услышать? Там америкосы Сайгон за нитки дергали. А здесь?

– А здесь театр абсурда: Кабул – Москву. А той – приказ отдать, что два пальца обоссать. Кто такой Громов для Политбюро? Ты думаешь, они его знают вообще? Или в расчет берут? Короче, готовились на двадцать четвертое – ударили на сутки раньше. Без афганцев обошлись. Хотя они тоже на подступах оторвались, разнесли десяток кишлаков в пыль.

– Зимой, – задумчиво сказал Аллахвердиев, – было это уже... Молитесь, чтобы бегство ваше не случилось зимой...

– Случилось! Как осатанели все. Что ни кишлачок – бей, там банда засела. Сначала артналет, потом авиация пошла. И чем уж они там ровняли – ума не приложу. Горы тряслись. Новое что-то изобрели?

– Хорошо забытое старое. Бомбы есть по три-пять тонн. Но это в Союзе.

– А ты думаешь, откуда авиация пошла? Мары, Кокайты, Фергана.

– Наши работали? Ну, вещали, листовки там, ультиматумы?

– Акбар, клянусь, не добивай меня! Нас-то в хорошее время никто не слышал, а тут... Да и ведь били местами, за перевалы, за полста километров в глубину. Какие там банды? Натянули палатки, мол, выходите, спасайтесь, честные афганцы, будем бомбить ваши жилища. Это они-то с детьми, в мороз в наши приемные пункты должны были бежать? С пожитками по сугробам? Ты бы побежал к немцам, спасаясь от артналета по наступающим частям Красной Армии? Или у афганца не та совесть?

– Значит, не сработало?

– Еще как, – Джума потянулся за бутылкой. – Век буду помнить, как сработало. Отбомбили, отстреляли, а через часа три поползли крестьяне, с трупами на руках. И стали их выкладывать вдоль дороги. Нате, друзья, смотрите. И не было там мужиков в силе – старики, женщины и дети. Погоди, икнется это зрелище. И «Тайфун» этот оторвется. Сволота политическая придумала оправдание. Дескать, это моджахеды прикрылись населением как живым

щитом. И тут же для дураков, мол, шестьсот мятежников уничтожено. Кто туда, в кишлаки, под обстрелом спускался и считал? Нет, если по количеству трупов, то не шестьсот, а в шесть раз больше.

Выпили, и повисло угнетенное молчание. Опять выручили соседи – ревнули динамики: «Если хочешь есть варенье, не лови едалом мух». Джума запустил в стенку стаканом, а потом замолотил гранатой. Помогло, первый «Каскад» запел потише.

– Миша, не хочешь, не можешь – не отвечай. Куда собрались? Кто этот, твой прапор, Мусий, все эти люди в модуле?

– Сборная команда. А задача...

Картонная дверь приотворилась одновременно с коротким стуком. «Горшенев... Михаил, зайди ко мне. Гармошку захвати». Гнусоватый, стандартно-начальственный голос, вполне дотягивал до подполковника. Но никак не выше. Джума поморщился, изобразил международный жест «от винта» и бормотнул: «Отдыхай. Это надолго». Толстую «гармошку», особым образом сложенную карту, Джума извлек из обшарпанного железного ящика, заменявшего сейф. Изобразив полное безразличие, Акбар бросил: «Пятисотка?» Утвердительный кивок Джумы и толщина «гармошки» позволяли предположить, что путь предстоял неблизкий.

Сняв китель и отстегнув галстук, Аллахвердиев растянулся на койке Мусия. Расслабился, закрыл глаза. Но средь бела дня въехать в «страну дураков» вот так просто не удалось. Пришлось залпом влить в себя еще полстакана теплой водки, закурить. И мысли пришли в соответствие с текущим моментом.

«ХАЙ НЭ ЛИЗУТЬ НА РИДНУ!»

Размышлять никогда не пошло. Даже после трехсот граммов, с сигаретой и лежа на чужой кровати в пыльных ботинках. Правда, матрас в ногах Акбар подвернул. Получился очень удобный валик. «Чем ты, земля Афганистана, искупишь слезы матерей» вновь грянуло за стенкой. Аллахвердиев криво усмехнулся: в оригинале строка звучала так: «Чем ты, великая держава, искупишь...». Автор, Игорь Морозов, был офицером КГБ и, конечно, мог петь именно так в узком кругу ограниченных лиц, но не более. На кассете слезы советских матерей предлагали искупать Афгану. Интересные люди! А слезы афганских матерей, соответственно, СССР? «Одни я в мире подсмотрел святые искренние слезы. То слезы бедных матерей». Черт, сдает память! Автора не вспомню. Некрасов?

Как там? Посеявший ветер пожнет бурю? На хер эти прописные истины! Они врут. Ветер посеяли афганцы. А бурю?

А-а, мать его, незванный гость хуже или лучше татарина?! Сам себя уел? Жали все, кто и не сеял. Кровавая жатва...

Двадцать пятого декабря в «шурави» еще не стреляли. И двадцать шестого тоже. Но счет погибших при выполнении интернационального долга уже шел на десятки душ. Вечером двадцать пятого воткнулся в гору самолет. Большой, военно-транспортный, «Ил-76». Кто говорил, что там было шестьдесят десантников, кто – сорок. И на севере в эти же дни погибло в автокатастрофах еще полтора десятка резервистов.

Двадцать седьмого все ринулись на Тадж-бек. Свергать Амина. Точнее, убивать. Именно так сказал капитан Рухулла. «Кармаль умолял убить Амина. Он его боялся. Живой Амин мешал революции. Это как ваш Троцкий и Берия в одном лице. Только не пойму: ваши командос убили тогда, в Кабуле, сотни три солдат из батальона охраны. Зачем?» Рухулле при Амине не успели расстрелять в Пули-Чархи. Учился Рухулла в Москве, и сдала его Амину Москва. Она тогда особо не лезла в дела Амина и даже признала его легитимность, и не только официальным поздравлением. Разговор этот состоялся в интересное время. Была объявлена политика национального примирения с моджахедами, и у истинных афганских революционеров голова совершила ряд дополнительных оборотов. Потому и разговорились...

– А не ты ли мне рассказывал, что ваши сделали потом с дочерьми Амина? С офицерами из «Халька»? Напомнить? – съязвил тогда Акбар.

Не то... Ведь не собирались воевать? Если бы шла речь о войне: лучше и не входить. Понятно, что авантюра. А Нахрин? Не афганцы ли подтолкнули на карательную экспедицию против взбунтовавшегося арtpолка? А наши, пока дошли до Нахрина, уничтожили человек триста «мятежников», да в самом полку еще сотню сарбозов. Одно радует: свои потери – два «двухсотых», два – «трехсотых». Выходит, продержались без войны с афганцами ровно до Рождества Христова, с двадцать седьмого декабря 1979-го по девятое января 1980-го. Небось, теперь в Нахрине тоже отмечают «кровавое воскресенье». Только это, кажется, был будний день...

Потом покатило: Баглан, Кунар, Файзабад, Талукан, Гильменд и далее везде. Только вот потери странно увеличились. Вроде бы учились воевать? Выходит, не только мы учились.

Аллахвердиеву было известно примерное число погибших по годам. Эти и другие любопытные данные оседали в Политуправлении округа, содержались в секретных отчетах, материалах военно-научных конференций. Поэтому не было сомнений – не «тринадцать тысяч триста» полегло в Афганистане, а больше, поскольку, в среднем, в день погибало по семь человек. К тридцати тысячам ползла скорбная бухгалтерия. Вот, скажем, скончался в медсанбате, в госпитале воин или через год после того, как комиссовали по ранению? Его как считать: погиб-

шим в Афганистане? Ну, тогда все тридцать и получается. А если только на поле боя, во время «операции», тогда, конечно, и тринадцать тысяч сойдет.

Еще тянулись по серпантинам колонны, а радио «Свобода» уже подводило итоги афганской кампании. Верить или не верить? После Чернобыля Аллахвердиев верил «вражьи́м голосам». На неделю раньше ТАСС оповестил Европу. Вот, скажем, кассеты пропагандистские у того же Народно-Трудового союза были дерьмовые. Будто сказки рассказывали учительским голосом, да под симфонический оркестр. «Зачем ты пришел на чужую землю, советский солдат? Опомнись». Но это слова, а цифрам веры больше. И вот получалась интересная картина.

Убитых и раненых – тридцать пять тысяч, и наиболее тяжелый год в этом отношении – 1984-й. Как не поверить? В этот самый год Аллахвердиев лично принимал сводки, дежуря по Политуправлению ТуркВО.

Гепатит, тиф, малярия, дизентерия – в год тысяч по пятьдесят, то есть каждый третий воин-интернационалист. Как не поверить? Госпитали переполнены были до самого вывода, начиная с 1981 года, тогда же и ему довелось «пожелтеть» и надолго запомнить, что печень может нахально и больно выпирать из-под ребер.

Две тысячи танков, бронемашин, самоходных орудий? Да тут, пожалуй, и «Свобода» пролетела. На одном только маршруте от Ташкуртана до Кабула добрая тысяча остовов ржавеет. А ведь это не весь Афган. Насчет транспортной техники – вопрос туманный. Кто эти «уралмазы-зил-камазы» и «шишарики» особо считал?

А вот насчет ста пятидесяти самолетов и трехсот пятидесяти вертолетов были сомнения. В плане – «за державу обидно». Ведь не в воздушных же боях валились на горы? Не было у «духов» боевой авиации. Хотя по тому же 1984 году Аллахвердиеву была известна цифра потерь ВВС – сорок семь вертолетов и семнадцать самолетов. Если умножить на девять лет... Суций Вьетнам! Или хуже? Что по размерам, стоимости и мощности американский вертолет против советского? Плотник супротив столяра! Только что горели одинаково – быстро и дотла.

А еще прогрессивные афганцы не любили, когда советские друзья сильно скорбели о погибших. Ну да, у них же была революция. А эта тощая свинья пожирает своих детей с особым удовольствием. Ладно, она ведь почти не соображает: родила – съела. Ну, процесс физиологически понятный: натрахалась в свое удовольствие – родила – потеряла белок – жрать нечего – сожрала – появились силы – натрахалась... Вопрос в том, кто ее оплодотворяет. Вот их, кабанов, и нужно травить, а не несчастную и без того свиноматку-каннибалку. Чем не теория! Если без Бога, то всякая теория сойдет, и всякая нора – центр вселенной.

В отличие от советского, афганское командование своих потерь не скрывало. И получалось, по данным ВС ДРА, что теряли они в год в борьбе с моджахедами по две с половиной тысячи сарбозов всех родов войск. Это им еще повезло, поскольку дезертиров в год у них же бывало тысяч по тридцати. И припомнилось Аллахвердиеву, что большинство совместных операций преследовало цель набора крестьян в эту самую революционную армию. Разумеется, в районах, населенных туркменами, узбеками, таджиками и хазарейцами. В пуштунские края с такой задачей соваться было бы просто неприлично. Апрельская революция, таким образом, успешно решала задачи по уничтожению национальных меньшинств силами Великого северного соседа. Мудрый народ афганцы – потому что нет такого народа! Есть Афганистан – страна пуштунов и примкнувших к ним осколков бывших и не состоявшихся цивилизаций, изгнанников и изгоев. Как выгодно – так и представлятся. Недаром сами говорят: у кого Кабул, у того и Афганистан.

Интересно, почему про Чапаева, евреев и чукчей анекдотов навалом, а про Афган – раздва и обчелся? Да и те тоскливые. «Где чеки, муженек? – В мешках, дорогая. – А мешки где? – Под глазами, разве не видишь?» «Прапорщик в ресторане заказал водки, попросил принести кота помойного в мешке и потушить свет. Глушит в темноте водяру, пинает мешок, кот мяучет, а прапор приговаривает: «Тоска, как в Кундузе». «Стрижет парикмахер майора и перио-

дически задает один и тот же вопрос, мол, как там, в Афгане? Майор, уходя, спрашивает, что ж вы так Афганом интересуетесь, товарищ Фигаро? А тот в ответ: «На фиг мне ваш Афган! Просто как вы о нем вспоминаете – волосы у вас дыбом становятся, стричь удобнее». Стоп! Это же все старые байки – классика. Хочешь про Афган, хочешь про Ливан. А был ли чисто афганский анекдот? Разве вот этот: «Патруль десантников идет ночью по Старому Советскому району. Заслышав шорох в кустах, старший дает длинную очередь и посылает бойца, пойдя, мол, посмотри, кого завалили. Солдат возвращается бледный: «Там парень с девкой. Вы их, того, наповал». – «Хай нэ лизуть на ридну Афгханщину», – строго замечает старший».

За стеной приглушенно треснул пистолетный выстрел. Глаза запорошило едкой трухой. Но тут не до глаз – проморгают. Вот она, дырка, сантиметрах в двадцати над головой. Машинально выхватив из-под подушки бесполезную гранату, Акбар скатился с койки и на четвереньках пополз к выходу. В том, что комнату сейчас откроют, он не сомневался. Встал, изготовился к беспощадному удару по руке с оружием. Топтание у входа, правда, несколько озадачило, но кто в такой позиции раздумывает? Когда в широкую щель просунулась всклокоченная голова со словами: «Мужики? Тут ниче...» – Акбар не отказался от задуманного. Вот только кулак с гранатой врезался не в предплечье, а в темя субъекта. Дальше осталось – втянуть обмякшее тело в комнату.

Аллахвердиев быстро простучал гостя от нагрудных карманов до колен в поисках оружия. Пусто! Ну, и кто этот бычок? Через минуту он очнется, и что с ним делать? Крепок на вид. Зафиксировать скотину и потом, без особого шума, разбираться. Зря его так, конечно, явно придурок, случайно нажал на спуск и пришел поинтересоваться, а не зацепил ли кого? А если бы другое? Нет, все правильно. Ноги потуже шарфом, на два узла. Руки за локтями скрученной простыней, еще капитальной. Теперь реанимация. Темечко хоть и не сильно, но поцарапано, шея вон в крови.

Акбар плеснул на затылок «военнопленного» четверть стакана водки и с облегчением вздохнул, услышав прерывистый стон: «У-у... ма... больно... ба...ля...» Рывком повернул лицом к себе и уже собирался задать простой, как правда, вопрос: «Ты, брат, часом, не ох...л?» – как на пороге возник Горшенев. Ответом на его междометия и традиционные восклицания послужила фраза, на которой Аллахвердиеву так обидно обломали философский кайф: «Хай нэ лизуть на ридну Афгханщину!»

Джума, правда, всей глубины сказанного не понял, но, увидев дырку в обоях, рванул в соседнюю комнату и вернулся с новеньким «макаровым».

– Он, мудака, через подушку в бронежилет духовский стрелял, проверял. В «майку». Это наш фельдшер, Рубцов, прапор. Дожрался до ручки.

– Да я не хотел. Не думал. Простите, мужики. И так свое получил. Миша, я же только спросить...

Аллахвердиева внезапно отпустило:

– Черт с тобой. Обоим повезло, в конце концов. Не дергайся, сейчас развяжу.

Когда все формальности были улажены и Горшенев вернулся в комнату несколько обескураженный, но с упаковкой баночного пива, Акбар встретил его давно назревшим вопросом:

– Ты мне объяснишь, наконец, что здесь происходит? Что ты в этом бардаке делаешь?

– Объясню. Давай по «юзграм» под пиво, а? Рубцова звал. Стыдно, говорит. Давай, Акбар. Только ты мне сначала скажи: при чем здесь «ридна Афгханщина». Это же был анекдот такой?

– Был и есть. Вся беда, Мишаня, что я его юмора по сей день не понял. Это плохо. Надо смеяться. Сильный анекдот. Злой. Но не знаю, где? В начале, в конце? Давай!

Сдвинули крепко стаканы. Пошла масть.

«ОЧЕНЬ ВОВРЕМЯ МЫ РОДИЛИСЬ...»

– Вспомни, Акбар, что у вас было слышно по выводу войск? Отменить, притормозить?
– Ну, по открытым источникам, еще в декабре. Пакистан, нарушения по договоренностям. Да это пропагандистский ход. Какой идиот мог всерьез?

– Не торопись ты с диагнозом! Вот как раз в декабре афганцы повели себя странно. Помнишь «зеленый бюллетень»? Там открытым текстом: войска останутся, за это выступает известный политический деятель из окружения Горбачева, и вопрос уже решен с Наджибом.

– Цена этому «зеленому», – фыркнул Аллахвердиев, – сам знаешь, кто им в конторе Якуба занимался. Не из него ли анекдот: «Скоро в Кабуле произойдет маленькое, но важное событие, после которого все переменится»? Бюллетень, однако, восемьдесят шестой год... Известный деятель – это Шеварднадзе, конечно?

– Он. Потом стали прописывать схемы. Мол, достигнута договоренность, чтобы наших советников охраняла отборная дивизия, что часть войск останется в Кабуле на охране аэродрома, на Саланге, о колоннах на Кандагар промелькнуло. Будто их поведут наши добровольцы. А там уже «семерка» рулила всю! Хер бы туда десяток машин добрался. Если только пару дивизий задействовать. Нормально, да, дивизия добровольцев?

– Прощупывали вашу реакцию?

– Не то слово: отсасывали, чуть ли не у солдат, мнения. Но очень интересовались, что думают по этому поводу командиры частей, штаб армии. А главное: сегодня совещание у Наджиба, а завтра на базарах знают, о чем доктор с грузином толковал.

– Нормальное явление. Взрослеют. Помнишь, как мы эти мнения и слухи собирали да выдумывали? Итог-то вот он. Афган рядом, но мы не там.

– А итог такой, что в этом модуле люди, которые завтра поведут пробную колонну в Айбак. Для начала...

– И сколько же вас, таких... добровольцев-комсомольцев? – опешил Акбар.

– По списку двадцать три. Восемь «КамАЗов», два «бронника». Что везем, кроме боеприпасов, честно, не знаю. Моя задача – переговоры, если понадобится, конечно. Но уверяют, что все обусловлено: встретят, проведут.

– «Зеленые»?

– Нет. Этим веры мало. Местные, полевые командиры. Вроде груз для них.

– Ну и кто эти добровольцы, не считая тебя и твоих прапоров? Солдаты, дембеля?

– Не знаю. Возраст разный. Есть тертые – по одному виду можно сказать. Общаться особо не рекомендовано. Но, похоже, все Афган прошли.

– Во-во! Реализация боевого опыта. А хочешь, я тебе покажу, где вас, героев безымянных, зажмут и раздолбают? Дай твою карту. Веришь, что я еще не американский шпион?

Листая «гармошку», Аллахвердиев окончательно уверовал в торжество безумия. Маршрут был пробит от Янгиарака к Айваджу – понтонной переправе через Амударью. Это пылить километров сто тридцать по своей территории, причем местами вплотную к границе, значит, никакой скрытности не будет. Переправа выводила на афганский пограничный пост Кашгузар, на стыке провинций Саманган и Кундуз. Там всегда толклись контрабандисты и другая сволочь. А потом, через сто километров, Ташкуртан, за которым еще двадцать верст по каменному капкану до Саяда.

– Вот. У Исмаилхейля. Или Шахидона. Здесь в хорошее время на колонну – батальон поднимали, дополнительно к постам. Это я тебе про начало восьмидесятых говорю.

– Не спорю. Но сказал же, будут нас вести. У тех, кто организовал выезд, есть такие связи.

– Кто организовал? Округ? Комитет? Контора? У кого там связи? Съе...лись все, еще вчера. Чем горды и чему рады.

Саркастические замечания Аллахвердиева, казалось, не задели Горшенева. Он аккуратно сложил «гармошку» и, понизив голос, спокойно ответил:

– Со мной лично говорил человек из посольства. Еще на той стороне, в Мазари. Дело добровольное.

– МИД... У этих деньги есть. Разные причем. Могу поверить. Только это не они. И хорошо обещали заплатить? – усмехнулся Акбар.

– Хорошо. Очень хорошо. Мне – как за полный афганский год.

– Да чеки сдыхают в Союзе, Миша! Прикроют лавочку на днях или раньше. Сундуки будут обклеивать, как керенками.

– Знаю. Дукандоры уже взвыли. Поэтому платили рублями. Книжку я своими глазами видел в Термезе на мое имя. Снял для проверки тысячу. Все нормально. Теперь назад дороги нет. Да и нужны мне деньги. Очень нужны, Акбар.

– Хорошо, у тебя – нет. А вот эта когорта тоже добровольно? И тоже деньги нужны?

– Мы почти не знаем друг друга. Говорю же, не рекомендовали знакомиться. Разбиты на тройки – водитель, стрелок, старший. А насчет денег: не юродствуй, сам видишь, что на Руси творится. Меня за доллар поганый, один, чуть из училища не выкинули. А теперь – меняй на каждом углу, и курс к твоим услугам прописан.

Сам не до конца понимая, что говорит, Аллахвердиев вдруг предложил:

– Джума, а давай проверим, все ли тут комсомольцы-добровольцы? Хочешь эксперимент проведем?

– Ну, ты истинный журналюга! Да если бы даже пошли на контакт, то какая гарантия, что правду скажут? Ты кто этим людям? Мать? Отец? Поэтому и нет правды в газетах да журналах. Один хер, что до перестройки, что сейчас. Каждый говорит, что ему выгодно. А сенсации ваши – это правда? Ты вот о выводе правду писал? Хочешь, я тебе сейчас приведу пацана воронежского, он через Туругунди выводился. Такое расскажет! Только нужна кому его правда? Брось. Вот этот пузырь на столе – правда. Дырка в стене – правда. Пиво в банках, трудно поверить, что оно до нас дошло, но правда.

– Я не буду опрашивать. Сто процентов! Просто давай пройдемся по коридору, воздух освежим. И все, клянусь. А что дальше будет – посмотрим. Идет? Ты же помнишь, те спрейчики нормально отработали?

Джума хохотнул: еще бы ненормально! Желая удостовериться в правдивости легенды о двух таинственных афродизиаках, Аллахвердиев минувшей зимой приобрел два флакончика у кандагарских бойцов, из личной охраны Исмата. Содрали по три тысячи афгани за каждый. И ни в какую не хотели продавать только один «возбудитель». Бери в одной коробке, вместе с «антиафро» – ингибитором – и все! Маркировка – бред! Однако удалось узнать, что препараты пакистанские, из какой-то лаборатории на границе с Индией. Возбудитель действовал сказочно. Достаточно было распылить небольшую порцию перед очередным сеансом. А уж если слегка вдохнуть пахнувший мятой и гвоздикой туман... Недостаток был, конечно, уже и не хочется, и сил нет, а все оружие в полной боевой готовности. Известно, сдуру можно и сломать! Ингибитором пользоваться Акбар не рискнул. А Джума выпросил в отпуск оба флакона, закатав их в банку с китайским чаем. Когда же вернулся, во всех красках расписал, как предотвратил моральное падение компании в Ташкенте. Позвали ребята жриц любви, и чем-то они Джуме не понравились. Подозрительно свежие и смелые, что ли? Не подстава ли под групповуху? Явились без сутенера, уверенно так. Распылил потихоньку «антиафро». И славно закончился вечер – беседами «за жизнь» до утра. А тревогу, обуявшую ребят за свою потенцию, он рассеял чистосердечным признанием. Разумеется, чуть по кумполу не настучали, да еще потребовали компенсации. Пришлось Мишке на вечер и девочек заказывать, но уже других, и возбудитель распылять. Хорошо все получилось!

– Ты что, хочешь их по бабам разогнать? Ой, вряд ли! Одному квартира нужна. Другой жениться задумал. Третий машиной бредит. Мусию, ну не лично ему, пятьдесят тысяч на операцию нужно. Прикинь? Понятно, что на х...ю можно пол-обители вынести, но не тот случай. Что, остались у тебя флакончики? Неужто в Союзе нашел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.